

РОСКО
ПАУНД

МАСОНСТВО И ЗАКОН

А Л Е Т Е Й Я

Роско Паунд

Масонство и закон

«Алетейя»
1915–1919, 1939, 1956

УДК 279
ББК 86.42

Паунд Р.

Масонство и закон / Р. Паунд — «Алетейя», 1915–1919, 1939, 1956

ISBN 978-5-00165-458-2

В книгу включены основные труды по масонству выдающегося американского юриста, социолога и политолога Роско Паунда (1870–1964). Энциклопедически образованный, глубоко изучивший как историю масонства в Америке и Европе, так и современные ему психологию и юриспруденцию, Паунд стремился спроектировать новые социальные задачи древнего Братства в меняющемся мире, чтобы его нравственные и символические сокровища не пропали, устарев, а участвовали в формировании нового мира. Лекции Роско Паунда по масонской философии, истории, масонской юриспруденции и символизму впервые переведены на русский язык и сопровождаются вступительной статьей и комментариями составителя. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 279
ББК 86.42

ISBN 978-5-00165-458-2

© Паунд Р., 1915–1919, 1939, 1956
© Алетейя, 1915–1919, 1939, 1956

Содержание

Роско Паунд: Масонство и закон	5
Лекции по масонской философии	16
Предисловие	16
Лекция 1	18
Лекция 2	29
Лекция 3	39
Лекция 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роско Паунд

Масонство и закон

Роско Паунд: Масонство и закон

Натан Роско Паунд родился 27 октября 1870 г. в городе Линкольн, штат Небраска. Его отец Стивен Босуорт Паунд был сыном фермера из Нью-Джерси, потомка первопоселенцев – йоркширских квакеров, переехавших на жительство в Новый Свет. Отец Стивена сочувствовал ему в стремлении сделать карьеру юриста, а не продолжать свое фермерское дело, и поэтому выделил сыну средства на обучение в Нью-Йорке. Став судебным поверенным, Стивен Босуорт начал вести общую практику с известным нью-йоркским юристом и политиком Лайманом Шервудом, постепенно разбогател, открыл частную практику в Висконсине, затем переехал в Небраску, где был избран окружным судьей, и осел окончательно в г. Линкольн, женившись на дочери местного фермера-квакера Лауре Биддлком, которая была директором публичной библиотеки, регентом местной церковной общины и руководительницей небраскинского отделения общественно-благотворительной организации «Дочери Американской революции», объединяющей женщин-прямых потомков участников Войны за независимость США¹.

Роско был старшим сыном в семье. Его имя означает на кельтском корнуольском наречии «лань». Первое имя, которым он никогда не пользовался в жизни, – дань квакерской традиции. Дед Роско Паунда по матери, Иоав Стаффорд Биддлком, был сыном Сары Рид – правнучки квакерских мучеников Лоуренса и Кассандры Саутуик, которые из-за своих религиозных убеждений вынуждены были сперва бежать из английского Стаффордшира в Салем, Массачусетс, а затем – после заключения в тюрьму, бичевания и обещания продать их детей в рабство на Барбадос – в Шелтер-айленд, Нью-Йорк, где вскоре и умерли в 1660 г. вследствие невыносимых погодных и бытовых условий жизни².

Сестра Роско – Луиза Паунд (1872–1958) – была известной американской преподавательницей филологических дисциплин, фольклористом, профессором Университета Небраски и автором ряда прозаических произведений и драматических постановок, первой женщиной, выбранной председателем Американской ассоциации современных языков; кроме того, ее энтузиазм нашел применение в мире большого спорта, она неоднократно побеждала в соревнованиях по теннису, фигурному катанию, лыжам и баскетболу, также она стала первой женщиной, чей портрет появился в Спортивном зале славы Небраски³. Младшая сестра Оливия стала учительницей латинского языка в местной школе.

С раннего детства Роско Паунд демонстрировал склонность к естественным наукам и изучению иностранных языков. Впрочем, по всей видимости, избалованный домашним образованием и компанией ученых друзей своих родителей, он не сумел полноценно обучаться в обычной школе, откуда его пришлось забрать на полностью домашнее обучение в 12 лет по причине «неуправляемости»⁴. С легкой душой родители уже в 14 лет устроили его учиться в Университет Небраски, и в 18 лет способный ботаник Паунд закончил курс бакалавриата, а год спустя – магистратуру.

---

¹ Krohn M. Louise Pound: The 19th Century Iconoclast who Forever Changed America's views about Women, Academics and Sports, Clearfield: American Legacy Historical Press, 2008, P. 12–14.

² Ibid., P. 16.

³ Ibid., P. 24, 117.

⁴ Sayre P. The Life of Roscoe Pound, Iowa City: College o. Committee, State University of Iowa, 1948, P. 22.

В этом возрасте в сознании Паунда произошел важный перелом и, определенно в тесной связи с обстановкой, в которой ему довелось расти и развиваться, он увлекся правом и принялся усиленно изучать юриспруденцию, сперва самостоятельно, а с 1889 г. – в Гарвардском университете. Впрочем, финансов на это обучение его семье хватило лишь на год, и обычной ученой степени по юриспруденции Паунд так и не получил – только почетные степени в гораздо более зрелом возрасте⁵. Он возвратился в Небраску, не имея формального юридического образования, сдал экзамен на должность судебного поверенного и приступил к юридической практике в окружных судах штата. Одновременно с этим он продолжил исследования как ботаник в университете, где постепенно начал еще и вести семинары на юридическом факультете.

Тогда же, параллельно с преподаванием и обучением в аспирантуре, Паунд принял участие в «ботаническом описании штата Небраска», полевом исследовании, продолжавшемся с 1892 по 1903 гг. Одним из результатов этого масштабного предприятия стало появление на ботанической карте штата вновь открытого лишайника «роскопаундия».

Работая в тесном сотрудничестве с другим ботаником – Фредериком Клементсом – с которым он даже планировал написать совместную докторскую диссертацию «Фитогеография Небраски», Паунд в 1899 г. совершенно оставил карьеру в естественных науках и, передав все наработанные материалы Клементсу, приступил к систематическому изучению права. Его научное наследие в области ботаники осталось представленным одной статьей в журнале «*American Naturalist*» № 27 за 1893 г., но в ней, вполне возможно, находится ключ к пониманию дальнейших достижений Паунда на ниве юриспруденции.

Его статья называется «Симбиоз и мутуализм» и посвящена описанию явления живой природы, на которое внимание ученых было обращено в полной мере лишь в 1980-е гг., а Паунд стал, таким образом, его первооткрывателем, «предтечей» или, как указывают современные биологи, «визионером».

В наше время в биологической науке мутуализм (от лат. «*mutuus*» – взаимный) рассматривается как вид симбиоза, явления, при котором различные живые организмы сосуществуют, образуя единую экосистему путем взаимополезного сожительства, когда каждый из организма представляет своим существованием необходимое условие существования другого организма. Рассматривая случаи мутуализма и паразитизма на примере целого ряда растений, водорослей, мхов и лишайников, Паунд утверждает, на несколько десятилетий опережая свое время, что даже при условии нанесения каждым из элементов мутуальной экосистемы необходимого для его выживания ущерба другому элементу, в общем и целом, процесс мутуального взаимодействия является положительным фактором для обоих элементов как целостной системы. «Организмам не дано помогать друг другу из милосердия», – пишет Паунд, далее указывая, что наносимый ими друг другу ущерб является лишь своего рода платой за общее успешное выживание в ходе эволюции⁶.

Впоследствии он вместе с Клементсом в ходе работы над диссертацией изучал гораздо более обширные и сложные экосистемы, занимаясь систематизацией растительных и микробиологических элементов природы Небраски. Потом он лишь эпизодически возвращался к биологии на протяжении своей долгой и успешной юридической карьеры. Но примечательно, что описанные выше на примере растений идеи нашли отражение в его трудах по социологии права. Ведь действительно, фактически любое явление живой природы может, – а в умелых руках и должно – проецироваться на жизнь общества, где основополагающие принципы во многом остаются неизменными, а меняются лишь обстоятельства и действующие лица.

⁵ Roscoe Pound of Harvard Dies; Headed Law School 20 Years; His 'Social Interests' Theory Influenced the New Deal – Scholar in Many Fields // The New York Times, July 2, 1964 [URL:] <https://www.nytimes.com/1964/07/02/archives/roscoe-pound-of-harvard-dies-headed-law-school-20-years-his-social.html>.

⁶ Frederickson M. E., Bronstein J. L. From Lichens to the Law: Cooperation as a Theme in the Diverse Career of Roscoe Pound // The American Naturalist, Volume 188, Number 5, November 2016 [URL:] <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/688598>.

Рассуждая о социальной философии Карла Краузе, Паунд с готовностью и энтузиазмом применяет и разворачивает метафору цветущего сада: «В сообществе растений в чистом поле природа стремится заставить все формы жизни приспособиться к условиям существования. В саду садовник стремится приспособить условия существования к тем формам жизни, которые он решил здесь культивировать. Точно так же у дикарских нецивилизованных народов люди приспособляются, кто как может, к враждебным внешним условиям. С развитием общества и цивилизации люди стали создавать искусственную окружающую среду, приспособленную к их потребностям и способствующую их постепенному прогрессу». В ней, помимо мыслей Краузе, определенно видится и его собственное врожденное отношение к окружающей реальности как к непаханому полю или ждущей своего садовника оранжерее – месту творчества и борьбы с дикой природой сильного и целеустремленного человека-созидателя.

В 1898 г. Паунд стал доктором биологии (PhD), и тогда же его практических и теоретических знаний в области права оказалось достаточно, чтобы он начал читать полноценные курсы на юридическом факультете Университета Небраски, чем и занимался с 1899 по 1907 гг., параллельно работая в апелляционной комиссии Верховного суда Небраски.

Примечательно, что в годы работы в университете Небраски Паунд вместе с другим преподавателем Джорджем Кондрой основал 24 апреля 1903 г. при университете академическое общество «Иннокентиев»⁷. В него должны были приниматься третьекурсники, поставившие себя целью развитие студенческих научных обществ, пропаганду высокой нравственности и здорового образа жизни, а также рекламу самого университета. Состав общества ограничивался тринадцатью людьми (с послевоенных времен туда стали принимать женщин), и для вступления в него Паундом был подробно разработан изысканный «рыцарский» ритуал в духе католического Средневековья. Название ордена происходит от популярной народной легенды о числовом символизме в истории папства: среди Римских Пап встречаются 23 Иоанна, 14 Климентов и т. д. Также в их числе 13 Иннокентиев, чье имя означает в переводе с латыни «невинный». Эмблемой ордена стала алая голова Мефистофеля над скрещенными трезубцами, отмеченная клеймом в виде цифры «13». Герб призван олицетворять зло брэнного мира, которому противостоит орден. Общество Невинных существует в Линкольне с отделениями по всей Небраске до сих пор, ежегодно совершая благотворительные автобусные туры по штату.

Этим не ограничивалась внеклассная деятельность энергичного профессора правоведения. На следующий год после получения Паундом докторской степени университет впервые собрал собственную футбольную команду, которая немедленно стала любимым детищем Паунда. Он играл в ней около трех лет, тренировал ее, судил ее матчи, создал футбольный фан-клуб и группу поддержки из болельщиков и чирлидеров, с которыми вместе ездил на все матчи команды, выполняя функции администратора команды и организатора графика соревнований. Отдельно следует упомянуть множество сочиненных Паундом песен, кричалок и девизов, которыми до сих пользуется футбольная команда Университета Небраски-Линкольн «Nebraska Cornhuskers». Сохранив с молодости увлечение спортом, Паунд и после 50 лет спокойно пробегал милю за пять минут и не терял живого и, как обычно, методичного интереса к спортивным событиям. По воспоминаниям современников, на университетских банкетах его не раз специально сажали рядом с приглашенными знаменитостями из мира спорта, потому что никто, кроме декана Паунда, не помнил наизусть результаты всех матчей по бейсболу и футболу за последние несколько лет.

Однако главным делом его жизни было и оставалось правоведение. В 1903 г. он возглавил юридический факультет Университета Небраски, активно публиковался и читал курсы как приглашенный профессор права в университетах Северо-запада и Чикаго. Его резкий взлет на юридический Олимп страны произошел в 1906 г., когда на ежегодной конференции Амери-

⁷ Innocents Society [URL:] <https://innocents.unl.edu/>.

канской ассоциации адвокатов Роско Паунд выступил с программной речью «Причины общественного недовольства системой отправления правосудия», где указал на недостатки современной ему американской, еще совершенно викторианской, системы судебной практики и изложил свои предварительные соображения относительно возможных путей реформы американских судов и системы правоприменения. Большинство его комментариев были теми теоретическими черновиками, впоследствии превратившимися в стройную систему «социологии права», которую неустанно пропагандировал и разрабатывал Паунд до конца жизни⁸.

Главной целью атак Паунда на систему правосудия стали чрезмерная зависимость окружных судов от рамок юрисдикции штатов и округов, мешавших преследованию преступников и отправлению правосудия; пересечение и дублирование функций различных типов судов, что также замедляло судебную процедуру и могло затягивать ее на годы; недостаточное государственное финансирование судов, приводившее к отсутствию в них профессионально образованного и опытного персонала (Паунд хорошо знал это на собственном опыте); ригоризм и консерватизм судебной системы, базировавшейся на сухой букве законов, написанных американскими судьями XVIII века на основе Римского и Франкского права под влиянием английских толкований прецедентного права XVII века, равнодушной к реальной жизни и отношениям между людьми в XX веке.

Получив признание в профессиональной среде и накопив преподавательский опыт, Паунд был в 1911 г. принят в штат юридического факультета Гарвардского университета профессором, и уже в 1916 г. стал его деканом. Это время и этот пост ознаменовали расцвет его карьеры, славы и плодотворной деятельности на ниве правоведения. Успех и слава его упрочились после громкого слушания в Верховном суде США по вопросу о конституционности закона об ограничении и перспективах запрета детского труда в 1917 г., где Паунд играл ключевую роль. Когда Паунд занял место декана, переданная ему предшественником команда состояла из секретарши мисс Мэй Маккарти и факультетского секретаря Ричарда Эймса. К 1928 г. на факультете обучалось ежегодно более 1500 студентов силами 32 преподавателей. Правда, почти втрое нарастив количество студентов, Паунд ужесточил требования к их подготовке, и при нем лишь две трети обучавшихся, по статистике, получали степень бакалавра.

В 1921 г. вместе с крупным теоретиком права Феликсом Франкфуртером Паунд произвел инспекцию, анализ и написал доклад об усовершенствовании системы уголовного производства в Кливленде, на долгие годы ставший «образцом социологической методологии и теоретической базы» для юристов страны. В теоретической части доклада, во-первых, выстраивалась хронологическая таблица различных систем судопроизводства как в указанном регионе, так и в стране в целом, их положительные и отрицательные стороны, а также делался вывод о необходимости применения в реалиях нового века обновленной методологии организации судопроизводства и ведения судебной процедуры. На основе этого доклада Паунд впоследствии развивал свою теорию социологии права, во многом характеризующую американскую юридическую мысль в первой половине XX века⁹.

В основе теории Паунда лежала «теория интересов», а именно основанная на популярной в его время «философии прагматизма» (детище философов и обществоведов Уильяма Джеймса, Джона Дьюи и Джорджа Сантаяны) концепция, рассматривающая общество и государство как совокупность интересов – «публичных», «индивидуальных» и «общественных» – многочисленные и разнообразные связи между которыми и формируют общественные отношения, испытывающие острую необходимость регулирования по причине извечной необходимости, преследующей человеческое общество с начала времен, «наращивать блага и сокра-

⁸ Masotti L. H., Weinstein M. A. Theory and Application of Roscoe Pound's Sociological Jurisprudence: Crime Prevention or Control? 1969 [URL:] [https:// repository.law.umich.edu/mjlr/vol2/iss2/11](https://repository.law.umich.edu/mjlr/vol2/iss2/11), P. 42.

⁹ Sheppard S. The History of Legal Education in the United States: Commentaries and Primary Sources, 2 vols., Pasadena: Salem Press, Inc., 1999, v.1, P. 1116.

щать неоправданные траты»¹⁰. Прагматизм в области социологии отстаивал точку зрения на общество и государство как на область разумного и осознанного консенсуса между интересами отдельных людей, групп и структур, служащего гарантией общественной безопасности и процветания общества. В значительной степени эта концепция базировалась на уже к тому времени полуторавековом авторитете теории общественного договора французских просветителей. Но эта теория была сформирована на основе правовой концепции «естественного права», неотъемлемого врожденного права любой человеческой личности. Новшеством американских социологов права XX века и, в первую очередь, Паунда стало введение в понятие естественного права категории прагматизма, а именно, соотношения прав личности, группы, общества и государства с внешними условиями времени и места правоприменения¹¹. Будучи своего рода Эйнштейном правоведения, Паунд постоянно говорит об относительности правовых норм, пусть не на уровне законодательства, где с середины XIX века господствовало позитивное законотворчество, а на уровне судебной процедуры и прецедентов, формирующих основу правоприменительной практики в англо-саксонском праве¹². Он пишет: «Путем медленного и болезненного развития обычая на основе опыта с последующим сознательным формулированием правил, специально придуманных для этой цели, люди отбирают из огромной массы возможных запросов те, которые, по их мнению, более всех прочих соответствуют требованиям всеобщей безопасности, потом определяют их, сравнивают с другими признанными ими интересами и изобретают для них средства действия. Этот процесс признания, разграничения и защиты интересов, осуществляемый политическим обществом, называется законотворчеством, а правила и стандарты поведения, а также правила и принципы принятия решений, устанавливаемые таким образом, называются законом». Право, таким образом, рассматривается им как «орудие социальной инженерии», в большей степени средство социального контроля, чем самодовлеющая догма¹³.

Разработке этой теории посвящены его работы «Сфера применения и задачи социологической юриспруденции» (1912), «Дух общего права» (1921), «Теория социальных интересов» (1921), она помещена им в исторический контекст и рассмотрена как новый этап становления американской законодательной системы в книгах «Уголовное правосудие в Америке» (1926), «Эра созидания американского законодательства» (1938), «История и системы общего права» (1940).

В духе этой концепции баланса социальных интересов Паунд выполнял свою часть работы, трудясь в рамках программы «нового курса» президента Рузвельта¹⁴, призванной способствовать преодолению последствий Великой депрессии. Это был тот максимум, которого удалось достичь академическому ученому Паунду в приближении к «большой политике», всегда бывшей его тайной мечтой и целью на дальнюю перспективу. Вслед за многими своими предшественниками в сфере американского правосудия он рассматривал политическую карьеру как вполне возможную, что вполне соответствовало его темпераменту. Впрочем, тот

¹⁰ Hill M. R. Roscoe Pound and American Sociology: A Study in Archival Frame Analysis, Sociobiography and Sociological Jurisprudence, 1989 / Sociology Theses, Dissertations, & Student Research [URL:] <http://digitalcommons.unl.edu/sociologydiss/46>, P. 11

¹¹ Адыгезалова Г. Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века (Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер). Дисс... канд. юр. наук, Ростов-н/Д: Кубанский гос. Университет, 2004, С. 41.

¹² Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права, Ростов н/Д: Феникс, 2001, С. 98.

¹³ Дубовицкий В. Н. Социология права: предмет, методология и методы / В. Н. Дубовицкий, Минск: Право и экономика, 2010, С. 127.

¹⁴ Адыгезалова Г. Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века (Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер). Дисс... канд. юр. наук, Ростов-н/Д: Кубанский гос. Университет, 2004, С. 27; Masotti L. H., Weinstein M. A. Theory and Application of Roscoe Pound's Sociological Jurisprudence: Crime Prevention or Control? 1969 [URL:] <https://repository.law.umich.edu/mjlr/vol2/iss2/11>, P. 74.

же самый темперамент и стал основным препятствием на пути реализации политических планов Паунда.

Вообще политические взгляды Паунда вряд ли можно охарактеризовать однозначно, и это вполне соответствует его разносторонней, вечно кипящей, деятельной и неугомонной натуре. Верный республиканец на протяжении всей жизни, он, тем не менее, постоянно критиковал позицию своей партии по разным вопросам, и это в конечном итоге привело к существенной коррекции партийного курса на Республиканском конгрессе 1946 г. Он вложил огромный труд и всю свою энергию, а также энергию и труд своих университетских воспитанников в «новый курс» политического противника – президента-демократа Ф. Д. Рузвельта – и при этом, конечно, голосовал против него на выборах 1936 г. Десять лет спустя, в том же 1946 году, Паунд, по приглашению правительства Китайской Республики, отправился в Пекин, чтобы осуществить необходимые реформы и полностью реорганизовать систему судопроизводства в стране. Вернувшись год спустя в США для того, чтобы официально уволиться с поста декана юридического факультета Гарварда с титулом почетного профессора, Паунд к 1947 г. оказался в гоминьдановской столице Нанкине в звании советника министерства юстиции в правительстве Чан Кайши. Только в 1949 г. он окончательно возвратился на родину, переполненный гневом и раздражением в адрес правительства своей страны, которое, по его мнению, ничего не делало для поддержки прогрессивного правления китайских националистов и тем самым играло на руку коммунистическому Китаю, победившему в войне на континенте¹⁵. Естественно, в этом случае он метал полемические молнии в адрес президента-демократа Г. Трумена – и с 1953 г. продолжил их метать по тому же поводу в адрес его преемника, президента-республиканца Д. Эйзенхауэра.

Вероятно, именно этот извечный дух противоречия и политической неопределенности, вызванной доминированием в душе Паунда-юриста собственных принципов над принципами любой групповой идентичности, порожден, вероятно, самый противоречивый и сомнительный эпизод его биографии, могший своими последствиями радикально изменить ход его размеренной биографии академического ученого и политического консультанта. Речь идет о непродолжительном, но оставившем в истории следы «флирте» Паунда с руководством нацистской партии и немецкого государства в 1930-е гг.

Перед историком всегда – при исследовании любого исторического феномена – стоит непростая задача: «отстраниться от последствий», поместить себя и свое сознание в контекст времени и места, попытаться взглянуть на событие, личность, сопутствующие обстоятельства глазами не человека нашего времени, а современника события, не имеющего представления о том, «чем все закончится» и как будет осмыслено то или иное событие последующими поколениями. Одной из самых острых продолжает оставаться в наше время тема нацизма в Европе и всего, что с ним связано: Холокост, Мировая война, концлагеря, идеология ненависти, всемирное торжество общей победы над мировым злом и т. д. Однако ни про что из перечисленного не знали и с большой долей вероятности не могли знать те образованные люди 1920–1930-х гг., которые впоследствии вынуждены были «отмывать» свои биографии от подозрений в связях с нацистами. Здесь не время и не место пространно рассуждать на эту тему, но достаточно будет сказать, что от обвинений в этих связях до конца своей жизни не могли избавиться ни бывший английский король Эдуард VIII, ни писатели Дж. Р. Толкин и П. Г. Вудхаус, ни кутюрье Коко Шанель и Хьюго Босс, ни бизнесмены – создатели брендов «Ikea», «Coca-Cola», «Nestle», «Siemens» и др.

До прихода нацистов к власти в Германии множество общественных мыслителей и деятелей бурлящей Европы 1920-х гг. делали выбор в пользу нацизма при наличии лишь двух обще-

¹⁵ Kroncke J. J. Roscoe Pound in China: A Lost Precedent for the Liabilities of American Legal Exceptionalism // Brooklyn Journal of International Law, # 38 (2012) [URL:] <https://brooklynworks.brooklaw.edu/bjil/vol38/iss1/3>, P. 10, 16.

ственных движений, ставивших себе целью слом имперского «старого режима» и перекройки цивилизованного мира в современном буржуазно-интеллигентском духе. При этом коммунистическая идеология уже успела провести первые эксперименты в России и Германии, чьи кровавые результаты разнеслись по всему миру, тем самым побуждая интеллектуалов выбирать «прогрессивный», как им виделось, нацизм в качестве идеалистической модели нового справедливого будущего. Не стоит забывать, что словосочетание «новый мировой порядок», в наше время ставшее расхожим мемом в составе популярных конспирологических теорий, впервые было написано в качестве заголовка статьи о счастливых перспективах «нового человека – труженика и воина» в нацистской Германии авторства знаменитой духовидицы и специалиста по оккультным наукам Алисы Бейли в теософском журнале. Оставили после себя благожелательные отзывы о нацизме лидеры профсоюзного движения нескольких стран, руководительницы английского и американского суфражизма, русские эмигранты в разных странах, французские писатели-символисты и многие другие. Что же касается США, то как во время Первой мировой войны, так и в начале Второй мировой войны их позиция первоначально определялась политикой невмешательства и намерением американского Конгресса избежать вовлечения в европейские события, сохранив человеческие, финансовые и военные ресурсы страны для осуществления собственной внешней политики по собственной инициативе. Хорошо известно, что лишь внешние события и враждебные действия в отношении США вынудили их руководство оба раза вступать в мировые войны, все же признав их делом, касающимся их страны.

4 июля 1934 г. Паунд прибыл во Францию вместе с первой женой Люси Миллер, откуда пара планировала совершить небольшой европейский тур. Заранее зная о его программе, германское посольство в лице полномочного посла барона Курта фон Типпельскирха прислало Паунду рекомендательное письмо для пересечения германской границы и облегчения общения с местными властями. После посещения Страстного фестиваля в баварском Оберамергау (Passionspiel) Паунды 12 июля оказались в Мюнхене, где посетили торжественный банкет в свою честь, где присутствовали министр юстиции Ганс Франк (будущий рейхсляйтер, генерал-губернатор оккупированной Польши), декан местного юридического факультета Метцгер (будущий автор нацистского Уголовного кодекса) и вице-президент Академии немецкого права Лютгебрюне (адвокат нацистской партии в деле о «Пивном путче» 1923 г.). Вскоре, уже в театре, на постановке «Парсифаля», в министерской ложе, к ним присоединились государственный советник Йозеф Бюлер (будущий участник Ванзейской конференции, утвердившей для нацистской партии цель «окончательного решения» «еврейского вопроса») и доктор Хруст. На следующий день Паунд читал в местном университете лекцию о новых тенденциях в американском праве¹⁶.

Впоследствии расследование американских спецслужб подтвердило, что Паунд был намеренно выбран нацистами объектом влияния в силу его всем известной германофилии и положения как виднейшего американского и влиятельного международного ученого в области права. Начиная с тех времен, когда он занимался ботаникой, Паунд привык к доминированию немецких специалистов в науке XIX века, как естественной, так и гуманитарной, к немецким философии и литературе, немецким физике и правоведению, причем, философию и правоведение этой страны он отлично знал и часто использовал в качестве предмета противопоставления «нашей англо-саксонской системе», чьи недостатки он неумоимо критиковал большую часть жизни.

Особая же роль в «разработке» Паунда, судя по всему, была отведена юристу и правоведу Антону-Герману Хрусту (1907–1982), обучавшемуся в 1930–1932 гг. на юридическом факультете Гарварда в качестве иностранного студента по обмену. Затем он снова приехал в США в

¹⁶ Rees P. Nathan Roscoe Pound and the Nazis, Boston College Law Review, # 60, 1313 (2019) [URL:] <https://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol60/iss5/2>, P. 7.

1934 г., а через пару лет решил переехать в эту страну насовсем. Забегая вперед, следует сказать, что подозрения в работе на германскую разведку привели к его задержанию и изоляции ближе к концу II Мировой войны. По ее окончании Хруст успел поработать в комиссии, готовившей Нюрнбергский трибунал, отсидеть небольшой срок как осужденный тем же трибуналом, после чего в 1946 г. устроился на работу в Университете Нотр-Дам и благополучно проработал там до старости, оставив после себя весомый пласт работ по корпоративному праву¹⁷.

4 августа 1934 г. в англоязычной парижской газете «Paris Herald» вышла статья «На австро-германской границе все спокойно, говорит после поездки декан Паунд». В интервью корреспонденту «Paris Herald» Паунд рассказывает, насколько радостно австрийцы после первой кровавой, но неудачной попытки аншлюса Австрии 25 июля 1934 г. готовятся неизбежно принять новую германскую власть, а также насколько германский народ «устал от внутренних дразг», как он «искренне радуется покою, признавая Гитлера своим лидером», который наконец «даровал ему свободу от всяких потрясений и вызывающих их движений». По возвращении в Бостон 17 сентября 1934 г. Паунд получает в германском посольстве диплом почетного доктора права Берлинского университета, за чем следует торжественный банкет в «Рице».

Паунда критиковали коллеги, осуждала пресса, и многие использовали выражение «агент вражеской пропаганды». В связи со скандальной церемонией Паунд обменялся письмами с несколькими своими коллегами, где призывал их не верить пропаганде, а лучше узнать у него, «как именно обстоят дела» в Германии. От отрицал гонения на евреев и прочие жестокости режима Третьего Рейха вплоть до начала Второй мировой войны, но не делал публичных заявлений на эту тему, ограничиваясь личной перепиской¹⁸.

Кроме личного прогерманизма и типичного для академического ученого и американца того времени невнимания и недоверия к не-американским источникам информации, Паунд руководствовался в своем поведении интересами одного конкретного человека – доктора Хруста, которого поставил себе целью спасти от преследования американскими властями и дать ему реализоваться как способному правоведа и талантливому политологу. На протяжении всего периода заключения Хруста декан Паунд не уставал предпринимать усилия и дергать за все известные ему нити для того, чтобы немецкий ученый вышел на свободу и вошел в штат преподавателей Гарварда. Он в этом не преуспел. Оставим истории право судить Паунда за эти поступки, помня, что он был не один такой и что внешние обстоятельства зачастую слишком настойчиво формируют личность человека, в иных обстоятельствах могущего себя повести абсолютно иначе. Достаточно будет сказать, что описанные выше эпизоды не оказали никакого влияния на последующую биографию Роско Паунда, который остался порывистым и противоречивым, но узко-специализированным кабинетным ученым до старости.

Следует вспомнить, что Китай он также посетил в судьбоносное и непростое время, когда два существовавших государственных образования – гоминьдановский Китай Чан Кайши и коммунистический Китай Мао Цзедун вступили в июне 1946 г. в фазу военного разрешения конфликта, а покинул его – когда Гоминьдан потерпел поражение, а вместе с ним была похоронена и вся работа Паунда по выстраиванию государственной судебной-правовой системы¹⁹. В 1949 г. Паунду было уже 79 лет, и более он не предпринимал никаких попыток заняться практической политикой.

После отставки с поста декана юридического факультета в 1937 г. Роско Паунд ни на день не оставлял преподавания в Гарварде и – пользуясь свободой, обеспеченной его профессорским статусом – в других университетах США. Кроме права, он брался читать курсы

¹⁷ Ibid., P. 2, 23.

¹⁸ Ibid., P. 17–18.

¹⁹ Kroncke J. J. Roscoe Pound in China: A Lost Precedent for the Liabilities of American Legal Exceptionalism // Brooklyn Journal of International Law, # 38 (2012) [URL:] <https://brooklynworks.brooklaw.edu/bjil/vol38/iss1/3>, P. 24.

политологии и социологии, истории новейшего времени и – периодически – других естественных и гуманитарных предметов, от вполне ожидаемой ботаники до, внезапно, поэтики Лукреция²⁰. Оставив пост декана, Паунд одним из первых получил звание «неприкрепленного профессора» (roving professor), наделяющее носителя правом вести курсы на разных факультетах университета в зависимости от потребности и их желания. Такое звание лучше отражало бескрайнюю широту его научных интересов и позволяло активнее реализовать весь спектр его инициатив. Паунд довольно свободно владел французским, немецким, итальянским и испанским языками, читал на латинском, греческом, древнееврейском, санскрите и русском. В 76 лет он взялся учить китайский. В изучении языков, как и в карьере юриста, ему помогала отличная память, которую он привык демонстрировать с детства, когда в воскресной школе хвастался умением после одного прочтения пересказать наизусть целую главу из Библии.

До самых последних дней жизни декана Паунда можно было встретить в библиотеке университета или других учебных помещениях – по описаниям современников, человека среднего роста, полного, с ярким румянцем на пухлых щеках и быстрыми поблескивающими глазами под неизменным зеленым пластмассовым «бухгалтерским» козырьком на лбу, вечно с сигарой во рту. Он пережил двух своих жен, и последние годы провел в составлении библиографии своих трудов и дополнении уже изданных работ под непосредственным наблюдением Мэй Маккарти, ставшей ему и наперсницей, и сотрудницей, и хранительницей его наследия²¹.

Данные о масонской карьере Паунда будет проще привести в полном объеме из официального некролога, выпущенного Великой ложей Массачусетса:

«Брат Паунд был принят в масонство в ложе «Ланкастер» № 54 в г. Линкольн, Небраска, в 1901 г. и возведен в степень Мастера в 1905 г. Аффилирован в ложах «Эванс» в Эванстоне, Иллинойс, в 1909 г. и «Бельмонт» в Бельмонте, Массачусетс, в 1912 г. В 1922 г. он сыграл важную роль в учреждении «Гарвардской» ложи при Гарвардском университете, став ее членом-учредителем, равно как и ложи «Бивер» в Бельмонте в 1923 г. Не посещая масонские собрания так регулярно, как всем хотелось бы, в свои последние годы, Паунд многократно участвовал в торжественных масонских мероприятиях, в особенности запомнился в этой связи 50-летний юбилей «Гарвардской» ложи в 1962 г. В декабре того же года он присутствовал на Квартальной ассамблее Великой ложи Массачусетса, заняв в процессии положенное ему место старейшего Бывшего заместителя великого мастера.

Он занимал в Великой ложе Небраски пост Великого оратора в 1906–1908 гг., а в 1949 г. был удостоен звания Почетного бывшего великого мастера масонов Небраски. В Массачусетсе он впервые прославился серией лекций на масонские темы, прочитанных в гарвардском Братстве Акакии. В марте 1915 г. Роско Паунд стал Заместителем великого мастера Массачусетса, и здесь же он занимал пост Великого представителя Великой ложи Небраски при Великой ложе Массачусетса с 1929 г. до самой смерти. В 1934 г. он был награжден медалью Генри Прайса, в 1939 г. – нью-йоркской Ежегодной премией за особые заслуги, а в 1953 г. – Ветеранской медалью за свою работу в Братстве. В Массачусетсе он долгие годы возглавлял Комитет по признанию иностранных великих лож.

В степени Шотландского устава Роско Паунда приняли в 1903 г. в долине Линкольна, Небраска, Южной юрисдикции Устава для США. Будучи аффилированным членом организаций Шотландского устава в Бостоне, Массачусетс, он в 1913 г. был удостоен почетного 33-го градуса. В 1952 г. Паунда наградили медалью Гургаса Верховного совета Северной юрисдикции Шотландского устава для США «в знак признания его особых заслуг перед масонством, человечеством и страной».

²⁰ Roscoe Pound of Harvard Dies; Headed Law School 20 Years; His 'Social Interests' Theory Influenced the New Deal – Scholar in Many Fields // The New York Times, July 2, 1964 [URL:] <https://www.nytimes.com/1964/07/02/archives/roscoe-pound-of-harvard-dies-headed-law-school-20-years-his-social.html>.

²¹ Ibid.

Брат Паунд был всемирно признанным и уважаемым масонским ученым, специалистом в областях юриспруденции и философии. Его исследования и мастерство в масонской юриспруденции оказали существенную помощь в проведении реформ и новой редакции Конституций и Общего регламента Великой ложи Массачусетса в 1918 г. В 1953 г. Верховный совет Северной юрисдикции собрал и издал масонские сочинения и речи Роско Паунда, во введении к которому В.Д. Великий Мастер Мелвин М. Джонсон писал о его деятельности, что она «наглядно показала всем нам, что нет никого среди живых или мертвых, кто превзошел бы его в познаниях и способности применять эти познания в жизни».

Действительно, общая библиография трудов Роско Паунда занимает 193 страницы, не считая неопубликованных рукописей и дневников»²².

Масонское наследие Паунда представляет собой скорее продолжение его деятельности в профанском мире, чем отдельную сферу применения его труда. В своих лекциях по масонской философии и масонской юриспруденции, по символизму и истории Братства в Америке и в мире он излагает лишь слегка адаптированные для масонского Братства концепции своего видения юриспруденции и социологии своего времени. Широчайшая эрудиция и глубокий аналитический ум позволяют ему проводить параллели между идеями различных авторов прошлого и современного ему настоящего, обобщать опыт поколений и представлять слушателям как готовые системы мировоззрения, так и провоцирующие на собственные размышления прецеденты и «кейсы». Паунд прожил долгую жизнь, и примечательно, как адаптировалась его мысль, его манера изложения к сменяющим одно другое поколениям слушателей. Не минула эта участь и сами его взгляды – прекраснотушные и идеалистические в начале карьеры, более скептические и пессимистические в ее конце.

Достаточно одного примера для иллюстрации этого. В своих лекциях по масонской философии Паунд иронически проходите по философам эпохи европейского Просвещения, убежденных в том, что их время является венцом и завершением цивилизации, что в цивилизованном мире больше не осталось неизученных уголков и нерешенных проблем, неурегулированных общественных конфликтов и незалеченных идеологических разломов: «В этом духе конечности и завершенности, в полной уверенности в том, что его время заполучило ключ к разуму и имеет право провозглашать законы на все времена и всем народам, Престон и составил свои догматические лекции...». И тут же, говоря о своем времени и господствующей в нем идеологии, он допускает торжественную коду: «Единственной универсалией является цивилизация в человеческом обществе. Перефразируя известное высказывание, “Бог – это то бесконечное, что требует от нас цивилизации”... мы говорим о современной философской системе, которая... признает наличие в человеке духовной составляющей как элемента, предполагаемого цивилизацией и ею развиваемого. В ней есть Бог. К ней могут приобщиться все люди, она ими порождена и для них предназначена, если они желают стать агентами вселенской человеческой культуры... все стадии и преходящие формы человеческой культуры сливаются в общую и постоянно развивающуюся человеческую цивилизацию, которая представляет собой реальность как вне нас, так и внутри нас самих». Это было сказано в 1915 г., на заре новейшей истории мира, которому суждено было переродиться в крови, кошмаре, смерти и страданиях бесчисленных масс людей.

Последующая жизнь определенно скорректировала взгляды Паунда. Он мирно скончался 1 июля 1964 г. в Кембридже, Массачусетс, был там же и похоронен, став после смерти частью пейзажа Гарварда, сыгравшего столь определяющую роль в его жизни и в чьей жизни он сам сыграл роль, не менее определяющую. Наследие Роско Паунда неопределимо как для юриспруденции, так и для масонства, оставаясь до сих пор актуальным, поскольку излагаемые и анализируемые им идеи не имеют срока давности ни по какому суду.

²² Memorial // Proceedings of the M. W. Grand Lodge of Massachusetts, P. 1964–207, 07/10/1964.

Е. Л. Кузьмичин, к.и.н.

Литература

Адигезалова Г. Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века (Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер). Дисс... канд. юр. наук, Ростов-н/Д: Кубанский гос. Университет, 2004.

Дубовицкий В. Н. Социология права: предмет, методология и методы / В. Н. Дубовицкий, Минск: Право и экономика, 2010.

Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права, Ростов н/Д: Феникс, 2001.

Frederickson M. E., Bronstein J. L. From Lichens to the Law: Cooperation as a Theme in the Diverse Career of Roscoe Pound // The American Naturalist, Volume 188, Number 5, November 2016 [URL:] <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/688598>.

Hill M. R. Roscoe Pound and American Sociology: A Study in Archival Frame Analysis, Sociobiography and Sociological Jurisprudence, 1989 / Sociology Theses, Dissertations, & Student Research [URL:] <http://digitalcommons.unl.edu/sociologydiss/46>.

Innocents Society [URL:] <https://innocents.unl.edu/>

Krohn M. Louise Pound: The 19th Century Iconoclast who Forever Changed America's views about Women, Academics and Sports, Clearfeld: American Legacy Historical Press, 2008.

Kroncke J. J. Roscoe Pound in China: A Lost Precedent for the Liabilities of American Legal Exceptionalism // Brooklyn Journal of International Law, # 38 (2012) [URL:] <https://brooklynworks.brooklaw.edu/bjil/vol38/iss1/3>

Masotti L. H., Weinstein M. A. Theory and Application of Roscoe Pound's Sociological Jurisprudence: Crime Prevention or Control? 1969 [URL:] <https://repository.law.umich.edu/mjlr/vol2/iss2/11>

Memorial // Proceedings of the M. W. Grand Lodge of Massachusetts, P. 1964–207, 07/10/1964

Rees P. Nathan Roscoe Pound and the Nazis, Boston College Law Review, # 60, 1313 (2019) [URL:] <https://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol60/iss5/2>

Roscoe Pound of Harvard Dies; Headed Law School 20 Years; His 'Social Interests' Theory Influenced the New Deal – Scholar in Many Fields // The New York Times, July 2, 1964 [URL:] <https://www.nytimes.com/1964/07/02/archives/roscoe-pound-of-harvard-dies-headed-law-school-20-years-his-social.html>

Sayre P. The Life of Roscoe Pound, Iowa City: College o. Committee, State University of Iowa, 1948.

Sheppard S. The History of Legal Education in the United States: Commentaries and Primary Sources, 2 vols., Pasadena: Salem Press, Inc., 1999.

Лекции по масонской философии

Предисловие

Эти лекции впервые были прочитаны в Гарвардском капитуле Братства Акации²³ в 1911–1912 учебном году, за исключением лекции о Краузе, которая впервые была прочитана перед Великой ложей штата Небраска в 1903 г. и опубликована в составе протокола этого собрания данной организации за указанный год. Впоследствии все пять лекций в исправленном и дополненном виде снова зачитывались перед Великой ложей штата Массачусетс в 1914 г. и были опубликованы в составе ее протоколов за тот год. Также в этом исправленном и дополненном виде они публиковались в нескольких номерах журнала «The Builder» за январь–май 1915 г., и эта публикация служит основой настоящего издания.

Из вышесказанного следует, что в своем первоначальном виде все эти лекции, кроме одной, предназначались студентам, только что прошедшим обучение общим основам философии в рамках программы колледжа. Вне всякого сомнения, читатель, не прошедший подобной подготовки, может найти их немного сложными для понимания, но мы полагаем, что сложность постижения составляет одну из частей самого предмета, которому они посвящены. Общедоступного пути в науке нет, как нет в ней и царского пути. Плоды учения, не стоящего ничего, стоят не более, чем такое учение. Важнейшие проблемы природы реальности, образа жизни и взаимоотношений между человеческой личностью и вселенной не могут излагаться простыми словами, равно как и их решения, более чем стоящие времени, затраченного на их постижение, не могут подаваться читателям в виде чего-то наподобие пищевых полуфабрикатов, полупереваренной пищи для ума, рассчитанной на то, что слабый их рассудок не будет способен воспринять и переварить идеи Краузе или Пайка в несокращенном и первоначальном виде.

С другой стороны, серьезно изучающий масонство человек не нуждается в особом обучении некому философскому научному аппарату ради восприятия этих идей, если он намерен научиться размышлять критически и глубоко. В основном, ему нужно лишь увязать масонское мышление этих Мастеров философии Цеха с общими тенденциями развития мысли их времени и их стран, чтобы понять проблемы, встававшие перед цивилизацией тех времен и стран в их связях с этическими и социальными проблемами современности. Так он сумеет, возможно, сделать масонские сочинения этих Мастеров и через них – само масонство своей личной силой, а следовательно, своей сильной стороной в обществе. Таково должно быть основание пусть даже излишне пространного рассмотрения мной в каждом из случаев философской среды, в которой жили великие мыслители Цеха.

В помощь усердному исследователю, желающему сделать нечто большее, чем просто пробежаться по верхам, я предлагаю библиографию к каждой лекции. Кроме источников к лекции о Краузе, чьи работы еще не переведены на английский язык, все цитируемые работы вполне доступны обычному масону. А если они кажутся ему сулящими тяжкий труд по изучению, то ему следует поразмыслить о том, сколь тяжек был труд Престола и сколь тяжким бременем он был снабжен, а между тем сколь многого он достиг. Из пяти частей полноценного масонского

---

²³ Масонское братство студентов и преподавателей, созданное в 1890-е гг. Уильямом Дж. Маршаллом, Чарльзом А. Синком и Уолтером С. Уиллером, которые с 1903 г. добились его признания университетским руководством, а 12 мая 1904 г. зарегистрировали его как общенациональный образовательный клуб. Братство ставило себе целью нравственное и интеллектуальное воспитание своих членов и организацию совместного досуга, а также научных конференций. Впрочем, в 1933 г. братство постановило отказаться от требования принадлежности к масонству, предъявляемого кандидатам. С 1997 г. оно является международной образовательной добровольной ассоциацией, открытой для кандидатов обоего пола, как связанных с масонством, так и не связанных. – Здесь и далее, если не указано иначе, примечания составителя.

образования, которые суть *ритуал, история, философия, символизм и право*, – философия, наука об основах масонского учения, занимает вовсе не последнее место. Проблемы, которые она ставит, носят наиважнейший характер и так же подвержены изменениям, как сама жизнь. Ее изучение само по себе станет вознаграждением вдумчивому исследователю. Никакая другая наука не предложит ему столь перспективного поля для исследований.

*Роско Паунд
Кембридж, Массачусетс
30 августа 1915 г.*

Лекция 1

Престон: масонство и образование

Знающий дхарму пусть ничего не дает гуру заранее; но, готовясь к последнему омовению, с дозволения гуру, надо преподнести, что он может, в качестве платы гуру за обучение.

Законы Ману, II, 245

Мнения философов о сфере и предмете исследования философии всегда разделялись. Равно как и мнения масонских ученых по поводу целей и задач масонства. Поэтому нет никакой возможности дать достаточное и исключительное определение масонской философии, пользуясь простым и эффективным методом редактора Диккенса, который брался писать о китайской метафизике, прочитав в энциклопедии статьи о Китае и о метафизике и соединив усвоенные оттуда данные в своей статье. Для начала будет достаточно сказать, что в том смысле, в котором это слово использовали масонские философы, философия есть наука об основах. Возможно, было бы вернее рассуждать о философии масонства как об упорядоченном масонском знании или как о системе масонского знания. И уже имеется хорошо организованное и определенное ответвление масонского учения, концентрирующееся на основах и основополагающих вопросах, и эти основополагающие вопросы можно назвать проблемами масонской философии, поскольку ответвление масонского учения, занимающаяся ими, обычно называется философией масонства. Эти основополагающие вопросы суть следующие:

1. Каковы суть и цель масонства как института? К чему оно стремится? Ради чего оно существует? Естественно, для философа эти вопросы непременно включают в себя и другие вопросы, вытекающие из вышеуказанных. Каким должно быть масонство? Для чего оно должно существовать? Какова должна быть его цель?

2. Каковы (а также каковы должны быть) взаимоотношения масонства с другими человеческими учреждениями, в особенности имеющими сходные с ним цели? Каково его место в рациональной схеме человеческой деятельности?

3. Каковы основополагающие принципы, управляющие масонством в достижении им намеченной цели? Здесь также содержится для философа вопрос о том, какими эти принципы должны быть.

Четверо прославленных масонских ученых пытались дать ответы на эти вопросы и в процессе работы над этой темой создали для нас четыре системы масонской философии. Это Уильям Престон, Карл Христиан Фридрих Краузе, Джордж Оливер и Альберт Пайк. Из этих четырех систем масонской философии две – интеллектуальные, если мне будет позволено воспользоваться таким термином. Они основаны лишь на разуме и апеллируют лишь к нему. Это системы Престона и Краузе. Две другие, опять же если мне будет дозволено использовать этот термин, – системы духовные. Они проистекают не от рационализма XVIII века, но напротив, от интерпретации мистических идей герметических философов XVII века. Как я постараюсь продемонстрировать впоследствии, это характеризует их все, хотя наиболее ярко проявляется в одной.

Итак, у нас есть четыре системы масонской философии. Две из них – системы интеллектуальные. Первая из них – это система Престона, и ключевым ее словом является *Знание*. Вторая – система Краузе, и ее ключевым словом является *Нравственность*. Две другие – духовные системы. Первая из них – система Оливера, ее ключевое слово – *Традиция*. Вторая – система Пайка, ее ключевое слово – *Символизм*. Если сравнивать две рациональные системы масонской философии между собой, то по внутренней самооценности система Престона уступает системе

Краузе. Философия масонства Краузе обладает высочайшими ценностью и значением сама по себе, но с другой стороны, интерес к философии масонства Престона, помимо его особого места среди масонских философов своего времени, основан на том обстоятельстве, что его философия есть философия наших американских ритуальных наставлений, а посему является единственной философией, с которой с большой вероятностью ознакомлен средний американский масон.

Престон, в отличие от Краузе, не опередил свое время, чтобы наставлять как современников, так и грядущие поколения. Он во всех смыслах был человеком своего века. Поэтому для лучшего понимания его работ нам нужно больше узнать о нем как о человеке и о его времени. Соответственно, я планирую разделить эту лекцию на три части: 1) Человек; 2) Время; 3) Философия масонства Престона как продукт первого и второго.

1. Итак, человек.

Уильям Престон родился в Эдинбурге 7 августа 1742 г. Его отец был клерком или стряпчим, то есть носителем низшего ранга в судейской профессии, а также, насколько известно, человеком способным и неплохо образованным. Как бы то ни было, он отправил Уильяма учиться в школу в Эдинбурге, уровень которой определяется хотя бы тем фактом, что мальчику при поступлении в нее было шесть лет, хотя его считали подающим большие надежды. Там он сделал немалые успехи в изучении латыни и начал учить греческий. Но все это относится к его детским годам. Отец его вскоре умер, и Уильяма забрали из школы еще до достижения им двенадцати лет. Отец успел распорядиться оставить его на попечение Томаса Руддимана²⁴, известного лингвиста, и Уильям стал при нем секретарем. Позднее Руддиман отдал его в ученики к своему брату-печатнику²⁵, и Уильям в 14–15 лет освоил азы типографского дела. После смерти опекуна и явно ничего не унаследовав от отца, Уильям поступил учеником в другую типографию и трудился там в качестве работника до 1752 г. В этом году, с согласия своего Мастера, он отправился в Лондон. Ему было всего восемнадцать, но в кармане у него было рекомендательное письмо к королевскому печатнику, поэтому работу он нашел без труда. И нужно сказать, на этой работе он оставался практически всю оставшуюся жизнь.

Способности к печатному делу Престон проявил сразу и довольно немалые. При этом он не только хорошо печатал книги, но и старался прочитывать их во время работы и размышлять над их содержанием. Из весьма разнообразных книг, проходивших через королевскую типографию, он вынес со временем неплохой литературный стиль и прослыл среди авторов, чьи рукописи он принимал в работу, достойным ценителем литературы и ее авторитетным критиком. Он также устроился в несколько периодических изданий корректором и редактором, и продолжал заниматься этим родом деятельности всю оставшуюся жизнь. Таким образом он познакомился с сочинениями Гиббона, Юма, Робертсона²⁶ и другими авторами этого ранга, а наличие в описи наследства Престона подписанных экземпляров их сочинений свидетельствует о том, с каким уважением они относились к, казалось бы, простому печатнику.

---

²⁴ Томас Руддиман (1674–1757) – шотландский писатель и издатель, душеприказчик знаменитого шотландского врача Арчибалда Питкерна (1652–1713) и редактор его латинских стихов и пьес, издание которых было заказано библиотекой российского императора Петра I, также составитель учебников и хрестоматий латинского языка, известный якобит (сторонник свергнутой английской династии Стюартов) и переводчик латинских авторов.

²⁵ Паунд ошибается: Уолтер Руддиман (1719–1781) был не братом, а племянником Томаса Руддимана. Он владел типографией в Эдинбурге, в которой впервые стал выпускать впоследствии популярный журнал «Weekly Magazine», где впервые стали публиковаться произведения знаменитого шотландского поэта Роберта Фергюсона (1750–1774).

²⁶ Эдвард Гиббон (1737–1794) – английский историк и философ, автор знаменитого труда «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1789). Давид Юм (1711–1786) – шотландский и английский философ, сторонник номинализма, эмпиризма и атоизма. Уильям Робертсон (1721–1793) – шотландский историк и социолог, пылкий сторонник свободы слова и собраний.

Не успел Престон достигнуть совершеннолетия, как его приняли в масоны в лондонской ложе, состоявшей из шотландцев. Эта ложа пыталась получить патент на ведение работ от Великой ложи Шотландии, но эта организация довольно прозорливо отказалась вторгаться на территорию Лондона, и шотландцы обратились за признанием к Великой ложе «Древних», которая и выдала им патент. То есть Престон стал масоном в организации своего главного соперника – Дермотта²⁷, который, в свою очередь, стал масоном в регулярной ложе Великой ложи «Новых»²⁸. Согласно английским масонским законам, позволяющим одновременное полноценное членство в нескольких ложах, Престон почти сразу же вошел в число членов другой ложи – подчиненной первой по времени создания Великой ложе «Новых». Что-то в ней настолько привлекло его, что он сумел убедить руководство и братьев своей ложи уйти из Великой ложи «Древних» и присоединиться к Великой ложе «Новых». Он связал с этой великой ложей свою судьбу и вскоре стал в ней одним из самых непререкаемых авторитетов. Не следует при этом забывать, что вот этому великому Престону было двадцать три года и он был рядовым работником типографии.

В двадцать пять он стал Мастером вновь учрежденной ложи, и бремя новой должности заставило его погрузиться в размышления о сути масонского учреждения. Стоит процитировать его собственные слова на этот счет: «Впервые удостоившись чести избрания Мастером ложи, я почел за благо во всей полноте ознакомиться с общими законами общества, дабы мне исправнее исполнять свой долг и побуждать других к его исполнению. Способы, к коим я прибег в этих целях, возбудили в некоторых обладателях поверхностных познаний совершенное неприятие того, что они сочли нововведениями, а в иных, кто был образован поболее, – зависть к влиянию и власти, каковые чувства, по идее, масонство призвано искоренять. Однако невзирая на эти нестроения, я претворял свои намерения в жизнь».

Мало кто удивится, прочтя, что претензии двадцатипятилетнего печатника были встречены в штыки более старшими масонами. Но на данном этапе самое страшное, что пришлось претерпевать Престону, – это лишь то, что старики качают при нем головами. В отличие от кабинетного философа и непреклонного академического сухаря Краузе Престон был борцом. Вполне вероятно, что это его убежденный догматизм, пронизывающий все его лекции, его агрессия и непреклонность в стремлении к цели создали ему столько врагов, а не предполагаемые его нововведения в масонский уклад. Не следует также забывать, что перед ним стояли три серьезных препятствия, а именно необходимость зарабатывать себе на хлеб трудом по двенадцать часов в день, молодость и малый стаж членства в братстве. То, что в те годы Престона не подавили и не покарали, а напротив, он добился своего и повел людей за собой, – более чем явно свидетельствует о его недюжинных способностях.

В задуманных Престоном предприятиях ему помогали три его особых качества: 1) неутомимость и усердие, с которыми он доставал и читал всё имевшее хоть малейшее отношение к масонству после двенадцатичасового рабочего дня шесть дней в неделю; 2) потрясающая память, в мельчайших подробностях хранившая все прочитанное; 3) способность заводить друзей, заражать их своим энтузиазмом и заручаться их помощью и сотрудничеством. Последней

²⁷ Лоренс Дермотт (1720–1791) – деятель английского масонства, выходец из Ирландии, по профессии – художник, специалист по росписи помещений, Великий секретарь Великой ложи «Древних» в Йорке и Лондоне, автор конституции этой организации.

²⁸ Английское спекулятивное («умозрительное», в отличие от оперативного – «ремесленного») масонство претерпело ряд расколов в самые первые годы своего существования. После образования в 1717 г. Первой великой ложи Лондона и Вестминстера, претендовавшей на власть над всеми масонами Англии, вскоре возникли несколько ее конкурентов, из которых самой многочисленной, влиятельной и долговечной оказалась Великая Йоркская ложа по Древним уложениям, основанная в 1751 г. Ее представители претендовали на большую древность своего учреждения и называли Первую великую ложу «Новой», а свою – «Древней». Конфликт между двумя юрисдикциями бурно протекал как в Англии, так и в мировом масонстве вплоть до объединения английских юрисдикций в 1813 г. в Объединенную великую ложу Англии. Суверенная Великая ложа Шотландии была основана в 1736 г.

из перечисленных способностей он пользовался вовсю, ведя постоянную оживленную переписку со всеми образованными масонами за границей и не упуская ни одной возможности побеседовать с масонами-соотечественниками. И в его лекциях отчетливо видны результаты плодотворного общения со всеми значимыми масонами его времени.

Очень своевременным и смелым шагом для этого юного Мастера новой ложи стало решение переписать, а точнее, написать наставления цеховых степеней. Первоначально новопосвященным зачитывали Древние Заповеди²⁹, и отсюда со временем произошла традиция также рассуждать о них и подчеркивать некоторые места в форме устного наставления. Придание этим наставлениям стройной системы и отведение им определенного места в ритуале были долгожданным и логичным шагом в развитии масонской обрядности. Но при этом шаг этот был все же такой ширины, что легкость, с которой он был сделан, поражает не менее его последствий.

Приступив к составлению своих «лекций», Престон собрал вокруг себя своего рода клуб, состоявший из его друзей, которые должны были слушать его и высказывать замечания. Замысел Престона состоял в том, чтобы этот клуб собирался регулярно, дважды в неделю, чтобы заслушивать, обсуждать, критиковать и *усваивать* его наставления. Наконец, в 1772 г., то есть спустя семь лет, он сумел заинтересовать своим начинанием офицеров великой ложи и произнес речь, опубликованную в первом издании «Иллюстраций масонства», перед собранием братьев, куда входили ряд руководителей великой ложи и великих офицеров. По окончании речи он объяснил достойному собранию свою систему. Слушателям его лекции понравились, и пусть они и не выдали ему немедленно официального разрешения, лекции были введены в масонский обиход, что и обеспечило им вскоре всеобщее признание и официальный статус. Его ученики стали ходить из ложи в ложу и пересказывать там его наставления, еженедельно возвращаясь на собрания своего клуба с новыми вопросами и предложениями. Итак, к 1774 г. система Престона приобрела законченный вид, и он учредил нечто вроде школы масонского наставления, получив на это дозволение великой ложи и начав насаждение своей системы обучения по всей Англии.

Это сделало его одним из самых выдающихся масонов своего времени, так что его даже кооптировали в прославленную Ложу «Древности», одну из четырех старейших лож – основательниц Великой ложи в 1717 г., которая внесла в список своих Бывших Мастеров сэра Кристофера Рена. Вскоре его избрали Мастером этой ложи, и он им оставался много лет, благодаря чему ложа заняла особое место в английском масонстве, которое сохраняет и до сих пор.

Однако масонская карьера Престона не была лишь чередой непрерывных триумфов. В 1779 году его взгляды на масонскую историю и масонскую юриспруденцию привели к конфликту с Великой ложей. Трудно выделить точные факты в массе противоречивых литературных свидетельств, которые породил этот конфликт. Откровенно говоря, происшедшее видится мне примерно следующим образом.

Великая ложа в свое время ввела правило, запрещавшее ложам проводить публичные шествия. Ложа «Древности», однако, постановила в день Святого Иоанна 1777 года отправиться как организованная группа в церковь Святого Дунстана, что стояла в нескольких шагах от храма ложи. Некоторые из членов воспротивились этому нарушению постановления Великой ложи и, как следствие, из общего числа ее членов там присутствовали только десятеро. Эти десять человек облачились в ризнице церкви, сидели на одной скамье во время службы и проповеди, а затем в перчатках и фартуках прошли через улицу обратно в храм ложи. Это мероприятие вызвало спор в ложе на ее следующем заседании, и в ходе дискуссии Престон

---

²⁹ Свод масонских законов, существующий в виде многочисленных катехизисов, нравоучительных текстов и ранних форм записи ритуала, а также клятв кандидатов при посвящении и возведении на престол Мастера ложи. В основном, представляет собой собрание документов ремесленных гильдий XIV–XVII вв.

выразил мнение, что Ложа «Древности», которая по возрасту старше самой Великой ложи и принимала участие в ее учреждении, имеет определенные неотъемлемые привилегии, и что она поэтому сохраняет свое право проводить процессии, как это было в 1694 году, до появления какой-либо великой ложи. В этом месте неплохо заметить, что эти разногласия могут напомнить нам о недавнем деле Бр. Питтса против Великой ложи Мичигана³⁰. Но великие ложи в то время были слишком молоды и горячи, чтобы счесть целесообразным проигнорировать такое мнение, высказанное к тому же первым масонским ученым своего времени. Ну и в конечном итоге за свои мнения и действия Престон был исключен из Великой Ложи, а Ложа «Древности» вследствие этого разорвала связи с Великой ложей «Современных» и вошла в состав вновь созданной (или «возрожденной») Великой Йоркской ложи. Этот раскол сумели урвать лишь в 1787 году.

После примирения с Великой ложей «Современных» Престон, восстановленный во всех своих званиях и должностях, немедленно и деятельность свою возобновил в полном объеме. Среди прочего он собрал общество масонских ученых, первое в своем роде. Оно получило название Ордена Хародим³¹ и было составлено из самых прославленных масонов своего времени. Престон впервые зачитывал в этом обществе свои лекции, и через последующие издания они попали в Америку, где стали основой наставлений символических степеней. К сожалению, после заключения в 1813 году союза между объединившимися великими ложами его лекции заменили на наставления Хемминга, которые, по мнению большинства критиков, значительно им уступают. Но Престон в то время уже тяжело болел и, судя по всему, не принимал фактически никакого участия в событиях, приведших к заключению этого союза, равно как и в самом его заключении. Он умер в 1818 г. в возрасте 76 лет после продолжительной болезни. Жизнь, проведенная в упорном ежедневном труде, позволила ему отложить деньги, и после смерти он оставил на масонские нужды около 800 фунтов, еще 500 фунтов – на дела масонского вспомоществования сиротам (которым он всегда искренне сочувствовал, сам став сиротой в 12 лет) и еще 300 фунтов – на учреждение фонда Престонской лекции, которая должна была проводиться путем ежегодного зачитывания назначенным Великой ложей лектором одной из лекций Престона по печатному тексту слово в слово. Эти лекции проводятся до сих пор, напоминая нам о том, что Престон был непоколебимо убежден в важности дословного, точного воспроизведения текста его наставлений, – что отнюдь не характерно для наших наставлений в ложах. Также важно отметить, что большой популярностью, кроме самих лекций, пользовалась книга Престона «Иллюстрации масонства», выдержавшая более двадцати изданий в Англии, четыре или пять – в Америке и два – в Германии. Итак, довольно о человеке. Поговорим о времени.

³⁰ Альва Гриннелл Питтс (1863–1943) – известный в свое время масонский историк и публицист, популярный автор многочисленных масонских изданий Северной Америки; его популярность была отчасти скандального свойства, и опубликованные им «Заметки о ранней истории масонства в Мичигане» (1905) и ряд рецензий на сочинения по истории масонства, а также перепечатки и переводы антимасонской французской литературы (в частности, сочинений Л. Таксиля и его соавторов), вызвали в 1909–1910 гг., среди прочего, гневную отповедь канадской Великой ложи Британской Колумбии, в чьем бюллетене Питтс был назван «анархистом», «иконоборцем» и «бешеным быком», его сочинения – «миазмами», а Великая ложа Небраски поставила вопрос о возможности пребывания «таких писателей» в Братстве (Proceedings GL Nebraska 1910, Omaha: Omaha Printing Co., 1910, P. 117, 371–372). Руководя в своем родном Детройте работой ложи «Палестина» и выпуская печатный «Палестинский бюллетень», Питтс неоднократно вступал в конфликты с Великой ложей Мичигана, что приводило к приостановке его членства в масонской организации несколько раз (включая конфликт на почве предполагаемых прав отдельных «древних» лож, основанных ранее великой ложью своей территории, который имеет в виду Паунд), после чего он, впрочем, продолжал работать и публиковаться с прежней активностью. Нелишней будет дополнительная информация: будучи инспектором паровых машин и котлов по основной профессии, Питтс большую часть времени, судя по всему, проводил в судах, ведя одновременно до трех десятков тяжб в год (данные CaseLaw Access Project). Кроме масонства, он состоял в Братстве Мастерских вне гильдий (*Odd Fellows*), Орденах Сборщиков колосьев (*Gleaners*) и Хуторян (*Grange*).

³¹ По масонской легенде, «хародим» назывались надзиратели, или смотрители, работ из числа самых опытных мастеровых во время строительства Первого Храма в Иерусалиме.

Для верного понимания философии масонства Престона очень важно знать три удивительные отличительные черты периода первых трех четвертей XVIII века в Англии: 1) это было время интеллектуального успокоения; 2) это было время чрезмерной утонченности и формализма в Англии и во всем мире; 3) это был так называемый «век Разума», когда интеллект считался самодостаточным, а знание основная масса людей считали панацеей.

1) По контрасту с семнадцатым веком восемнадцатый стал временем отдохновения. Общество перестало непрестанно бурлить, не возникало новых столкновений непримиримых идей, и время просто шло. На поверхности царила полная гармония. Впрочем, как показали события конца этого века, то была скорее гармония компромисса, чем гармония истинного примирения – перемирие, но не мир. Но люди, в общем и целом, перестали на некоторое время дискутировать на основополагающие темы бытия и обратили внимание на детали и форму. Некая общая теологическая философия была наконец принята более или менее всеми людьми, ранее от всего сердца порицавшими друг друга по мельчайшим поводам. В области политики «виги» и «тори» стали просто названиями для двух групп людей, которые согласились принять, пусть и с небольшими вариациями, корпус правил и учений, впоследствии совокупно названный «принципами Английской революции». Политические идеи были зафиксированы. Люди получили представление об общественном договоре, из которого путем абстрактных рассуждений можно было вывести любой аспект общественных и политических прав и обязанностей, и сочли, что таким же образом можно выработать образцовый законодательный свод – подлинный компас законности для всякого судьи и никогда не подводящее руководство по праведной жизни для всякого частного лица. В литературе и искусстве также повсеместно и всеми мирно признавались существующие каноны. Так называемый «классический» стиль был принят как конечное и единственно возможное средство художественного выражения. Другими словами, основными тенденциями были примирение и конечность. Например, Блэкстоун, подлинный представитель своего века, умиротворенно полагал законодательную систему своего времени, перегруженную архаикой, почти созревшую для движения законодательной реформы, осуществленного следующим поколением, абсолютно совершенной по сути. Он считал, что пятисот лет развития и совершенствования законодательства оказалось абсолютно достаточно для его «завершения», после чего осталось уточнить лишь несколько мелочей. В том же духе создатели наших биллей о правах полагали, что закладывают воспроизводимую политическую модель на все времена. Действительно, абсолютная философия права из наших учебников, причинившая столько бед реформаторам общества прошлого и настоящего, рождена в XVIII веке. В этом духе конечности и завершенности, в полной уверенности в том, что его время заполучило ключ к разуму и имеет право провозглашать законы на все времена и всем народам, Престон и составил свои догматические лекции, которые мы используем в качестве масонских наставлений.

2) С точки зрения современности, XVIII век был определенно периодом власти формализма. Это было время формальной утонченности во всех сферах человеческой деятельности. Это было время формального стиха и торжественной декламации, классической школы в искусстве, утратившей дух в попытках точно воспроизвести художественные формы античности, детально проработанного и сложного придворного этикета, формальной дипломатии и «министерств волокиты»³² в каждой государственной и общественной службе, формальной тактики на поле боя, где эффективность действий войск в полевых условиях всегда уступала парадной торжественности, а солдаты шли в бой разодетыми как на бал. Наша традиция буквального, точного и неизменного воспроизведения ритуала идет именно от тех времен, и

---

³² Сатирическая пародия на государственное учреждение из романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит».

именно Престон насадил ее в наших ложах, по крайней мере, в том, что касается его наставлений.

3) Третье обстоятельство, а именно то, что XVIII век был временем чисто интеллектуальной философии, естественным образом определило рамки философии масонства Престона. В те времена разум стал центральной идеей всех философских теорий. Знание считалось «универсальным растворителем». Поэтому когда Престон нашел в старинных наставлениях мысль, что масонство, наряду с прочим, является корпусом знаний, а в древних заповедях – историю этого знания и его передачи из поколения в поколение из глубокой древности, неизбежностью стало превращение им знания в главный элемент всей его системы. О том, что он был полностью поглощен этой идеей, свидетельствует наше американское наставление степени Подмастерья, несмотря на все сокращения, которые оно претерпело с течением времени, остающееся совершенно престоновским. Ограничения по времени не позволяют нам зачитывать все лекции Престона в их первоначальной и полной форме. Но достаточно нескольких цитат из варианта Уэбба, то есть сокращенной их версии, чтобы всё стало понятно. Цитаты взяты из «Руководства» Уэбба, но каждая сверена с первоначальным вариантом у Престона.

«Земная и Небесная Сферы суть два искусственных шарообразных тела, на закругленной поверхности коих представлены страны, моря и различные части света, плоскость неба, пути передвижения планет и прочие детали...

Сфера с изображенными на ее поверхности частями земли именуется Земной Сферой, а с изображенными созвездиями и прочими небесными телами – Небесной Сферой.

Главное средство использования Сфер, помимо того, что они служат картами, позволяющими различать внешние части земли и положение неподвижных звезд, состоит в том, чтобы представлять и объяснять явления, возникающие от ежегодных обращений и ежедневных вращений земли вокруг своей оси. Они суть достойнейшие средства исправления ума, ибо даруют ему самые верные идеи о любых вопросах и предположениях, равно как и позволяют ему их разрешать».

Много раз говорилось уже, что эти сферы на наших колоннах – чистый анахронизм. Они происходят от намерения Престона включить в лекции обучение астрономии, которая тогда как раз начинала занимать ведущее место среди наук о природе. В особенности отметьте, как четко в лекции указывается цель наставлений: они предназначены для «исправления ума, ибо даруют ему самые верные идеи о любых вопросах и предположениях, равно как и позволяют ему их разрешать». Другими словами, эти сферы – не символы, они предназначены не для нравственного совершенствования. Они покоятся на колоннах, совершенно неуместно притом, только лишь для того, чтобы обучить членов ложи основам географии и астрономии. Необходимо помнить, что Престон, по двенадцать часов трудившийся ежедневно над корректурой и набором шрифта, смотрел на это совершенно иначе, чем современный масон. То, что мы сейчас считаем школьными азами, мало кому было известно в то время. Для него обучение значению географической и астрономической сфер было очень серьезным делом.

Вспомните почтительные рассуждение об архитектуре в нашем наставлении степени Подмастерья. В нашей версии это подлинный неурезанный Престон, пусть его текст и сокращают довольно часто в других ритуалах. Вы же помните, как там все расписано, как подробно описывается каждый ордер, в каких подробностях, какие там везде пропорции, нам предлагается повествование об истоках каждого из них, прилагается художественная критика, рассказывается легенда об изобретении Коринфского ордера Каллимахом. Истоки всего этого – в Древних заповедях. Но в руках Престона они превратились в настоящее сокровище – трактат об архитектуре. Масон, несколько раз прослушавший это наставление, становился ученым человеком. Он получал всю полноту знаний, положенных ученому человеку его времени в области архитектуры.

Точно так же он приводит в кратком изложении Евклида: «Геометрия занимается изучением свойств и способностей величин в целом, рассматривая преимущественно длину, ширину и толщину, от точки к линии, от линии – к поверхностям, а от поверхностей – к телам. Точка есть фигура, не имеющая измерений, или же неделимая частица пространства.

Линия есть точка, продолженная в пространстве, фигура с одним свойством, а именно с длиной. Поверхности суть фигуры о двух измерениях, а именно с длиной и шириной. Тело есть фигура с тремя свойствами, а именно длиной, шириной и толщиной».

Но достаточно. Вы уже, конечно, поняли общий принцип. Если превратить наставления в выжимки из всего предоставляемого основными отраслями науки, масонскую ложу можно сделать школой, где все люди – задолго до создания системы общественных школ и открытых университетов – могли бы получать знания, за счет чего – и лишь за счет чего – они затем могут добиться в жизни всего. Если все люди будут обладать знаниями, считал Престон, все общественные проблемы будут решены. Обладая знанием, способствующим дальнейшему дедуктивному развитию, человеческий разум далее отринет потребность в правительствах и силе как средстве управления – и настанет эра совершенства. А ведь тогда было время частных школ, доступных далеко не всем и каждому. Бесценное сокровище – знание было недоступно простым людям, которые в нем нуждались больше всех. Поэтому для Престона масонский Орден был, во-первых и в-главных, источником распространения и пропаганды знания. Ради этой цели он ухватился за возможность составить эти лекции и стремился с их помощью свести в единый свод все современные ему научные знания.

В наше время, когда знание стало слишком обширным, чтобы его можно было всё вместить в какую-то одну схему, и слишком многоликим, чтобы его можно было сформулировать в какой-то степени детальности хотя бы на краткое время жизни современных текстов, недостатки схемы Престона становятся, конечно, очевидны. И сама суть его схемы наглядно демонстрируется его лекциями. Вот, например:

«Обоняние есть чувство, посредством коего мы различаем запахи, разные оттенки коих сообщают нашему уму разные мнения. Животные и растительные тела, равно как и все прочие тела, будучи подвержены воздействию воздуха, постоянно испаряют со своей поверхности субстанцию высокой тонкости, равно в состоянии жизни и роста и в состоянии гниения и разложения. Эти испарения, попадая в ноздри вместе с потоком воздуха, становятся средством усвоения запаха всех тел».

Этот урок из физики XVIII века, заставляющий современных нас улыбнуться, до сих пор торжественно зачитывают в наших нынешних ложах, будто он до сих пор имеет какой-то практический или символический смысл. А на самом деле он означает всего лишь, что Престон писал учебник основ физики и физиологии.

Он четко обосновывает свою теорию далее: «На ум полагаемся мы во всех своих познаниях, так что же может быть более достойным предметом изучения для вольного каменщика? Путем анатомирования и наблюдения мы знакомимся с телом, и лишь путем такого же анатомирования ума сможем мы узнать основы его работы и подлинные способности».

Заметьте: всякое познание проистекает от ума. Поэтому вольный каменщик должен изучать свой ум как орудие обретения знания – единственной своей подлинной цели.

В наше время эта концепция видится нам узколобой и неадекватной цели. Но основания этой его философии масонства становятся нам совершенно ясны, если мы помним, что это был за человек и что за время. Лекции Престона нужно рассматривать, постоянно помня, что это лекции печатника, сына образованного отца, которого забрали из школы, когда ему не было еще двенадцати, тем самым приговорив к жизни, посвященной надергиванию любых доступных знаний из рукописей, которые ему положено было набирать в типографии, долгими ночами после тяжелого рабочего дня, когда появлялось свободное время. О них нужно думать как о сочинении труженика, в основном, самоучки, при этом равного выдающимся ученым

своего времени, с которыми он свел знакомство, подготавливая к печати их труды и читая их корректуры, из которых и черпал он свой неугасавший энтузиазм в деле просвещения в тот век, который впоследствии назвали Веком Разума. Нам нужно их рассматривать как труд человека, исповедовавшего кардинальные добродетели своего времени – интеллектуализм, самодостаточность разума, знание как главную и первоочередную потребность ума, за счет которой он существует и развивается, и конечность поиска знаний.

Итак, как же Престон отвечал на три вопроса масонской философии?

1. Для чего существует масонство? Каковы цель и задачи Ордена?

Престон ответил бы: для распространения Света, то есть для распространения знания среди людей. Он сказал бы, скорее всего, что это промежуточная цель. Он наверняка согласился бы с Краузе в том, что основная цель, программа-максимум состоит в совершенствовании людей, в том, чтобы сделать их лучше, мудрее и, как следствие, счастливее. Но средство достижения этого совершенства, по его мнению, – именно в знании. Посему, сказал бы он, превыше всего масонство существует ради пропаганды знания. В первую очередь, масон призван совершенствовать свой ум, изучать вольные науки и искусства, постепенно становиться ученым человеком.

2. Каковы взаимоотношения масонства с прочими видами человеческой деятельности?

Престон не дает прямого ответа на этот вопрос в своих сочинениях. Но из них вполне можно понять, что он ответил бы нечто вроде того, что государство стремится сделать людей лучше и счастливее путем сохранения порядка; церковь стремится к той же цели путем усовершенствования нравственности людей, грозя им сверхъестественными санкциями; а масонство должно стремиться делать людей лучше и счастливее путем обучения и распространения среди них знания. Помните, что это было задолго до того, как государство взяло на себя функцию общественного образования.

3. Как масонство намерено достигнуть своей цели? Какими принципами оно руководствуется в этом деле?

Престон ответил бы, что посредством символов и наставлений масона сперва побуждают учиться и приобретать знание, а затем непосредственно обучают полноценной системе организованного знания. Обе эти идеи подкреплены прямыми цитатами из его сочинений. В первом случае, идея подкреплена и наставлениями, и заповедями. Например: «Изучение вольных искусств, ценной ветви образования, столь действенно шлифующей и украшающей ум, рекомендуется к вашему сведению со всею искренностью». Посмотрите, как он рассуждает о каждой из наук, рассматривая ее значение и даруемые ею преимущества:

«Грамматика учит нас верному сорасположению слов соответственно оборотам или диалекту каждого народа в особенности, а также совершенству произношения, которое позволяет нам говорить и писать на каком-либо языке верно, сообразно разуму и правильному использованию. Риторика учит нас говорить многословно и бегло на любую тему, не только лишь излагая смысл, но и пользуясь всеми преимуществами, даруемыми силою и изяществом, умно захватывая внимание слушателя силою аргументов и красотой выражения, будь то для того, чтобы побудить или попросить, обличить или похвалить».

Для иллюстрации второго положения хватит одной цитаты: «Орудия труда и приспособления архитектуры избраны были братством того ради, чтобы лучше впечатать в память работников мудрые и серьезные истины». Другими словами, цель даже самих символов есть лишь обучать «мудрым и серьезным истинам». Здесь стоит обратить особое внимание на слово «серьезным»: это явный камень в огород тем братьям, кто демонстрировал увлечение мисти-

цизмом и, пользуясь словами Престона, «бормотал на пустом жаргоне герметических философов».

Наконец, чтобы лучше понять его собственное мнение о том, чем он занимался, и, соответственно, какими должны были быть, по его мнению, масонские наставления, давайте прочтем, что он пишет в лекции степени Подмастерья: «Эта лекция содержит регулярную систему науки [а под «наукой» он понимал знание], показанную как основанная на самых ясных принципах и утвержденную на прочнейшем основании».

Нет нужды особо выделять, что мы не можем принять философию масонства Престона как достаточную для современного масона. Еще меньше готовы мы принять в подробностях, да даже и в общих чертах, его амбициозную систему охвата всех знаний в мире и создания полной и исключительной схемы обучения вольным наукам и искусствам в трех лекциях. Нет причин удивляться тому, что англо-американское масонство столь недалеко продвинулось в области масонской философии за всю свою историю, коль скоро это фактически все, что было нам дано в качестве основания, и все, что за всю свою жизнь слышали на эту тему подавляющее большинство масонов. Этот философский свод дается нам сверху как официальное знание, препятствующее подробному изучению этой темы, и сама цель его теряется для многих из нас за фасадом множества давно устаревших элементов. Однако, я полагаю, мы оказываем Престону плохую услугу, сохраняя неизменным буквальный текст его лекций за счет утраты основополагающей их идеи. В его время они обучали; в наше время – уже нет. Предположим, что в наши дни некий человек такого же неутомимого усердия, как у Престона, предпринял бы попытку создать новый комплект наставлений, задавшись целью соединить все известные знания и представить кандидатам их основы в том виде, в котором их понял бы обычный человек, не ученый. Говоря словами Престона, предположим, что такие наставления написаны в результате семилетнего труда и деятельной помощи сообщества критиков, чтобы лечь в основу регулярной системы современного знания, показанной как основанная на самых ясных принципах и утвержденной на прочнейшем основании. Если хотите, предположим, что эта система ограничена лишь знаниями о масонстве. Не будет ли таким образом идея Престона (в наш век общественных школ) реализована лучше и вернее, чем в нашей нынешней пустой и напыщенной болтовне, и не оправдает ли само себя его представление о ложе как о центре знаний?

Позвольте привести вам два примера. В дни Престона была огромная всеобщая неудовлетворенная потребность (от которой сам он невыразимо страдал) в общественном образовании и тем самым в предоставлении народу средства получения знаний как таковых. В наши дни точно такая же потребность существует в получении знаний особого рода. Общество четко разделяется на классы, не понимающие нужд один другого и посему абсолютно не испытывающие один к другому сочувствия. Можно ли представить себе более достойную тему для масонской лекции, чем та, которая предусматривала бы изложение основ общественной науки и брала бы на себя труд по распространению верного знания о ней среди всех масонов? Предположим, такая лекция была бы составлена так же, как наставления Престона, опробована на публике в ложах раз за разом, как наставления Престона, и после выслушивания дружеской критики и внесения исправлений, преподавалась бы всем нашим Мастерам в качестве плода нескольких лет усердного труда. Разве не стали бы наши ложи в таком случае действительно маяками – сеятелями подлинного Света в общества, сделав тем самым огромный шаг к цели усовершенствования рода людского?

И снова: что бы ни происходило сейчас на Континенте, наше время – это эра универсализма и интернационализма. Мыслящий мир все более и более настойчиво проверяет на прочность узкие местнические границы, глядя на все происходящее уже с позиций всемирного, универсального мировоззрения. Искусство, наука, экономика, братские организации и союзы трудящихся, даже спорт, – всё становится интернациональным. Участвовавшие международные конгрессы и конференции по любым темам и вопросам только подчеркивают слом всех локаль-

ных политических границ. Всемирное социологическое движение пропагандирует широкие гуманистические взгляды, побуждая людей больше думать об обществе, а следовательно – о всемирном обществе, меньше фокусировать взгляд на личности и отдельной местности.

Масоны должны возглавить это всемирное движение к универсальности. Но что знает средний занятой масон, – и сколь часто он вообще задумывается, – о движении интернационалистов или хотя бы о движении пацифистов, чьи представители во множестве роятся вокруг него? Между тем каждый масон просто обязан об этом знать, и мало того – он должен проникнуться этими идеями всей душой. Каждая ложа призвана стать центром просвещения, откуда человек выходил бы наполненным новыми идеями социальной справедливости, космополитического правосудия и интернационализма.

Разумеется, Престон заблуждался: знание не есть единственная цель масонства. Но с другой стороны – он был прав. Знание есть одна из целей, по крайней мере, промежуточных, и оно отнюдь не в наименьшей степени является верным средством достижения человеком совершенства. Заблуждения Престона были заблуждениями его века: ошибочная вера в завершенность и конечность достижений его эры, ошибочное представление о формальной и детальной системе как единственном средстве преподавания. Ну а что в таком случае сказать о еще большей ошибке, которую мы делаем сейчас, зачитывая его наставления – урезанные и обесмысленные настолько, что уже ничего не значат для слушателя, – с мрачной торжественностью представляя их как систему масонской науки? Помните, что он рассматривал их как представляющие систему всеобщего знания, а не систему всего лишь знаний о масонстве. Будь мы ведомы его духом, понимай мы со всей очевидностью коренную идею его философии и имей хоть половину его рвения и усердия, мы, вне всякого сомнения, смогли бы превратить наши наставления и, чрез них, наши ложи реальной силой в обществе. Конечно, нам пришлось бы столкнуться в открытом бою с буквалистами и формалистами, которыми во все времена полнились наши ложи, и быть обвиненными в нововведениях. Но в этом обвиняли и Престона. И он действительно был в них виновен в том смысле, что ввел свои лекции на место ранее зачитывавшихся готических конституций. Престон сталкивался с теми же буквалистами и формалистами и писал свои лекции им в пику. Не хотелось бы верить, что у нашем Ордене со временем исчезло место всякой инициативе и что не родится новый Престон, чтобы водворить свое понятие Знания на место цели Братства и представить современным вольным каменщикам то знание, которое они заслужили.

Лекция 2

Краузе: масонство, нравственность и право

За исключением тех случаев, когда он пишет про Древние Заповеди и цитирует более ранние материалы, Престон – настолько во всем и всегда автор XVIII века, что его трудно понять, не имея представления об образе мышления англичан XVIII века. В случае со следующим рассматриваемым нами масонским философом все обстоит совершенно иначе. Он творил в основном русле философской мысли своего времени. Но это русло, наряду с руслом масонской мысли этого периода, было прорыто еще в XVII веке. Поэтому для лучшего понимания его философии масонства недостаточно простого рассмотрения человека и его времени, нам нужно начать несколько ранее.

Начало XVII века было временем бурной умственной деятельности. Пробуждение Реформации положило начало эре свежей и живой религиозной мысли. Политические идеи – предвестники концепций XVIII и XIX веков – приобретали свою первичную форму. Падение схоластики освободило философию от цепей Аристотеля. Гроций уже готовился освободить юриспруденцию от теологии. Конринг собирался вывести Право из-под эгиды Юстиниана³³. Вследствие этого возникла новая теория государства и права. Правоведы стали возвращаться к юристам классического Рима и их концепции природного закона, основанного на разуме и применимого к людям – не как к гражданам, не как к членам цивилизованного общества, а просто как людям, а философская школа, проистекшая из этого истока и лишь укреплявшаяся в течение последовавших двух веков, породила великое множество талантливых авторов, которые выстроили систему международного права, начали все набирающее силы движение за гуманизм в ведении войн и за водворение мира во всем мире, поощряли общественный интерес к правовой и политической философии, итогом чего стали демократические идеи нашего времени, гуманизация и рационализация права в XIX веке. Возрождение масонства, свершившееся в следующем веке, имеет свои корни в том периоде. «Всегда существовала, – пишет сэр Генри Мэйн³⁴, – тесная связь между Естественным Законом и гуманизмом». В такое время, когда сам воздух, кажется, наполняют идеи общечеловеческого братства и законных прав человека, возникает потребность в организации всех людей, трудящейся во всеобщее их благо. В начале века она возникала неоднократно, и не следует сомневаться в том, что сочинения Андреа и вся сомнительная история с розенкрейцерами были тому симптомом, а не причиной. Но взросление этой идеи затянулось. В XVII веке она покоилась под спудом алхимии и мистицизма, ввергнутая в это узилище эрой невежества и предрассудков. В XVIII веке ее развитие задерживал всепоглощающий интерес к политической философии. И лишь в первое десятилетие XIX века исследователи начали впервые реалистично оценивать перспективы этой идеи. Тогда впервые идея всеобщей организации рода людского была оценена при помощи научного метода, связана с конкретными целями и вошла в философскую систему человеческой деятельности неотъемлемой составной частью. Наверное, ни какая другая тема так идеально не подходит в качестве начальной для повествования о масонской философии, как жизнеописание этого ученого и достойного человека и вольного каменщика, первого масонского философа своего времени и лучшего из философов права, сослужившего ценнейшую службу всему человечеству и нашему Цеху.

---

³³ Гуго де Гроот (Гроций, 1583–1645) – нидерландский философ и юрист, государственный деятель, драматург и поэт; заложил основы международного права, основываясь на естественном праве. Герман Конринг (1606–1681) – немецкий врач, историк и политический философ, основатель государственоведения как науки.

³⁴ Генри Джеймс Самнер Мэйн (1822–1888) – английский юрист, философ, антрополог, историк, один из основателей социологии права.

Карл Христиан Фридрих Краузе, один из основоположников литературной традиции нового масонства и основатель целой школы законодательной мысли, родился в Айзенберге близ Лейпцига в 1781 году. Образование он получил в Йене, где затем некоторое время преподавал, пока не переехал в Дрезден в 1805 году. В тот же год его приняли в каменщики, и сразу же с очень характерными для него энтузиазмом и энергией он погрузился в философское критическое осмысление этого нового для себя учреждения, достав и перечитав все уже написанные к тому времени книги о масонстве. В качестве итога своих исследований он составил и прочел в своей дрезденской ложе двенадцать лекций, впоследствии опубликованных в 1809 г. под заголовком «Высшее одухотворение истинных символов масонства» (*Hohere Vergeistung der echtüberlieferten Grundsymbole der Freimaurerei*). Год спустя он опубликовал первый том своего главного труда «Три древнейших профессиональных документа масонского братства». Эта книга, словами д-ра Маккея, «одна из самых ученых книг, выходивших в масонской печати», к сожалению, увидела свет не в лучшие времена. Границы публичного обсуждения масонского символизма не были тогда еще установлены, а свобода каждого отдельного масона в самостоятельном его толковании, столь пылко отстаивавшаяся в более поздние времена Альбертом Пайком, не была знакома немецким масонам того времени. Вследствие этого ему была суждена та же судьба, что и многим другим выдающимся масонским ученым. Его судьба, как и судьбы Престона и Далько, Круцификса и Оливера, предостерегают нас о том, что искреннее невежество, ревностная предубежденность и благонамеренная нетерпимость часто встречаются даже среди самых бескорыстных и доброжелательных искателей Света. Сам слух о выходе книги Краузе в свет уже вызвал настоящий фурор. Невероятные усилия предпринимались для того, чтобы воспрепятствовать этой публикации, и когда они пропали втуне, несомненно могшее найти себе лучшее применение рвение современников нашло себе цель в его изгнании из братства. Он не просто был исключен из своей ложи, но и много лет спустя гонения, вызванные изданием им этой масонской книги, не утихали и в конечном итоге воспрепятствовали его общественному признанию как ученого, и он так и не занял вполне им заслуженное место среди мыслителей своего времени. Конечно, многие говорили, что он далеко опередил свое время, и его не могли понять современники, не входившие в узкий круг его ближайших друзей и учеников. Но вне всяких сомнений, скандал, окружавший издание им работы по масонской истории и символизму, в конечном счете привел к тому, что ему так и не удалось получить профессорскую кафедру. К счастью, он был не из тех, кто склоняется под ударами судьбы и гонениями. Как писал поэт, «я не прошу счастья, я сам себе счастье»³⁵.

Не сломленный враждебностью окружающих к его учению, не поколебленный очевидным успехом своих преследователей, он непреклонно продолжал работать, читать лекции в университете Геттингена, разрабатывать свою систему политической и правовой философии, которой и прославился, а также преподавать ее.

Рёдер³⁶ описывает то глубокое впечатление, которое производили его лекции на слушателей, и то почтение, с которым народная молва ставила его много выше почтенных посредственностей, занимавших кафедры в университете, где он трудился простым доцентом. Читая отчеты о прочитанных им лекциях и переворачивая честные, искренние и исполненные терпимости страницы его книг, наполненных верой в способность человека к совершенствованию, рвением в раскрытии и описании условий человеческого прогресса, мы не можем не испытывать чувства, что перед нами человек, поистине «приготовленный в сердце своем и сотворен-

³⁵ Парафраз из «Песни большой дороги» Уолта Уитмена.

³⁶ Карл Давид Август Рёдер (1806–1879) – немецкий юрист, философ и социолог, автор труда «Основы политики права» (1837).

ный природой»³⁷, которого не исторгнет из нашей среды никакое суждение логи. Он умер в 1832 году не старым еще человеком, в 51 год.

Краузе не оставил нам полного или хотя бы систематического изложения общих положений своей философской системы. Нельзя также сказать, что он заслужил признание в мировой философии в целом, хотя ряд историков философии отводят ему в ней достойное место. Он посвятил свои лучшие труды, в основном, довольно узкой сфере масонской философии – в юности, когда был переполнен энтузиазмом, и философии права – в зрелости, когда обратил на нее свое внимание, и за это его будут помнить. Во второй из этих сфер он даже пользуется в наше время некоторой известностью, потому что его идеи сохранили актуальность. Двое его способных и усердных учеников, Аренс³⁸ и Редер, почти полвека трудились над систематизацией и распространением его учения. Великая работа Аренса, изданная через пять лет после смерти его учителя, выдержала 24 издания на 7 языках. Так постепенно Краузе стали признавать основателем школы политической и правовой философии, а его ученики, не только своими сочинениями, но и беседами с коллегами на конгрессах, постепенно систематизировали и кодифицировали его идеи. Вплоть до пробуждения воинского духа в Германии и сдвига точки роста в немецкой юриспруденции в сторону законотворчества, приведшего к смене основного русла правовой мысли, влияние его учения было чуть ли не подавляющим. Вне Германии, особенно в тех землях, где философия права – все еще непаханое поле, у него еще есть неплохие и даже радужные перспективы, и Краузе провозглашают там «властителем новейших и широчайше распространенных мыслей». При рассмотрении социально-философских и социологических движений последних полувека так, конечно, уже нельзя сказать. Но верным будет сказать, что до появления великих деятелей социально-философской школы правовой мысли последнего десятилетия имя Краузе было величайшим из имен в современной мировой философии права. Его масонские работы, правда, подвержены пороку некритичной всеядности, характерному для всех масонских авторов вплоть до самого последнего времени, и это вело его к абсолютной и непоколебимой вере в традиционную историю, к принятию за подлинные – определенно сфабрикованных документов и за факты – явного околосторического вымысла и недвусмысленного подлога. Таковы, например, его филологические и исторические исследования, в которых он подвергает подробному изучению так называемые «Манускрипт Лиланда» и «Йоркские конституции», наставление степени Ученика, а также его диссертация о формах организации и управления масонским Орденом: их следует читать с крайней осторожностью, помня о легковёрности автора. Но невзирая на эти недостатки, которые искажают объективность восприятия подавляющего большинства сочинений масонских авторов, его работы бесценны для нас.

В те времена и в среде того народа, который в XIX веке был столь равнодушен к философии, что грозило лишить Закон и Правительство, Юстицию и Политику всякого фундамента, отличного от слепой и субъективной личной воли, учение, помещающее их на более прочное, стабильное основание, ищущее для них постоянное место в мироздании и особую определенную цель в общем плане человеческого прогресса, не могло не привлечь к себе внимание. Но для масона система правовой философии Краузе имеет еще большую ценность, которая несколько иного рода. Дело не только в том, что его труды по философии права, созданные, в основном, по окончании его масонских исследований и написания масонских книг, предлагают нам множество крайне важных и полезных примеров практического применения масонских знаний. И не только в том дело, что он невероятно действенно доказывает нам возможность социального, политического и правового применения принципов, заложенных в наших

³⁷ Строка из масонского ритуала, описывающая кандидата, отобранного для посвящения.

³⁸ Генрих Аренс (1808–1874) – немецкий профессор права, юрист и политолог, автор работ «Курс психологии» (1837) и «Курс естественного права» (1838).

наставлениях. Его величайшее достижение, главный повод к вечной нашей ему благодарности, есть органическая теория права и государства, в которой он разрабатывает наследие XVII века – понятие всеобщей организации человечества, – превращая его в практическое учение в поисках возможности объединить государство со всеми прочими группами и организациями, вне зависимости от их размера, первоначальной цели и истоков основания, в гармоническую систему человеческой деятельности, а также отводит особое место и особую цель нашему всемирному братству в этом военном лагере на битве за прогресс человечества. Позвольте привести вам несколько ключевых идей его масонской и правовой философии в их взаимосвязи.

Закон – это всего лишь «скелет общественного порядка, покрытый плотью и кровью морали». У примитивных народов это всего лишь средство поддержания мира и регулирования жизни, архаичное лекарство для предотвращения, насколько это возможно, войны всех против всех. Со временем его перехватывает в свое владение государство, становящееся способно подавить насилие там, где ранее возможно было лишь немного его ограничить. Сделав это, оно ставит перед собой следующую по значимости цель и переходит от установления порядка к творению правосудия. Это государство делает по сей день. Но превыше всего этого, считает Краузе, есть и более достойная и высшая цель, а именно, пользуясь его словами, «совершенствование человека и общества». Один закон сам по себе не способен осуществить это. При верном его понимании это всего лишь одно из средств, которые надлежит применять гармонично, каждое – в своей отдельной сфере, во имя общей цели. Государство организует и поддерживает только одно из этих средств. Нравственность, религия, наука, искусство, промышленность и коммерция, – все они, по его мысли, являются соратниками, также нуждающимися в организации. Но государство, то есть политическая организация, исполняет обязанность поддержания и совершенствования правосудия, а также имеет другую функцию – приписывать другим формам организованной человеческой деятельности средства совершенствования своей деятельности. Оно призвано «служить посредником между личным и общественным уделом». Так оно становится одним из органов универсального общественного организма. Он рассматривает общество людей как органическое целое, сотворенное из множества различных институтов, каждый из которых управляет некой важной сферой человеческой жизни, а все они вместе с наступлением эпохи зрелости рода людского должны войти в состояние высшего единения. Все они относительно независимы. Но с высоты птичьего полета и ввиду общей цели все они видятся составными частями единого механизма. Все они работают ради одной цели и движутся в одном направлении, и направление это – к реализации предназначения рода людского, которое состоит в совершенстве. Это не просто прекрасноречивые рассуждения идеалиста. Краузе предпринимает попытку вдохнуть новый дух в эти фазы человеческой деятельности, эти различные институты, развивающиеся как органы в общественном теле. Он внушает нам, что наш мир не испытывает упадок, а напротив – переживает свою юность. Человечество, утверждает он, лишь начинает обретать понимание своей общественной цели. Познав ее, осознав, сколь высокое совершенство ожидает нас, он призывает род людской стремиться к этому идеалу путем гармонического развития наших институтов, осознанного усовершенствования окружающей нас реальности.

Его убежденность в том, что совершенство есть общественная цель человека и что ему надлежит превыше всего осознанно стремиться к этому совершенству, идет вразрез с основным направлением европейской общественной мысли второй половины XIX века. Под влиянием позитивистов и механистической социологии тогда повсюду царил общественный, политический и юридический пессимизм. Считалось, что обществом управляет всегда одно и то же стандартное действие раз и навсегда зафиксированных социальных законов, за функционированием которых нам следует лишь наблюдать, как за действием, например, закона притяжения при наблюдении движения небесных тел, и точно так же, как мы не в силах повлиять на второе, не должны мы пытаться оказать влияние и на первое. Социальная философия Краузе, напро-

тив, дала нам веру в действенность одного-единственного усилия; она согласуется с самыми прогрессивными тенденциями общественной и политической мысли нашего времени.

Философия масонства и философия права Краузе требуют разделения понятий естественного порядка, общественного порядка и нравственного порядка. Это разделение можно пояснить на следующем примере.

Ученые говорят нам, что природа демонстрирует непрестанную и неустанную борьбу – борьбу за выживание (и эти термин и понятие были изобретены задолго до Краузе), в которой все личности, народы и виды принимают участие вне зависимости от своей воли. Даже придорожный сорняк не только воюет с таким же точно сорняком за место под солнцем, но еще и вынужден бороться с прожорливыми насекомыми, ненасытными травоядными животными и людскими орудиями труда и машинами. То есть обычное состояние жизни при начальных природных условиях – это конфликт. Но стоит взглянуть на разбитый поблизости сад с искусственными условиями – и контраст просто поразителен! Экзотические растения, не могшие в природных условиях прожить самостоятельно и минуты в чужой земле и в непривычном климате, под постоянной угрозой конкуренции со стороны более жизнеспособных местных растений, здесь расцветают и прекрасно приживаются. Заботливо рассаженные, чтобы не мешать расти одно другому, заботливо обихаживаемые, чтобы полностью исключить враждебное влияние местной растительности, снабжаемые наилучшей почвой, водой – как только иссякает природный запас влаги, эти растения, свободные от заложенной в них природой врожденной необходимости заботиться о себе самостоятельно и бороться за выживание, всю свою энергию тратят они на свое совершенствование и развитие, производя на свет такие свои разновидности и сорта, о которых вряд ли имели хотя бы какое-то представление их грубые и дикие предки. Конечно, не всякая борьба за существование может быть исключена в саду. Но в любом случае, ее бремя значительно облегчено. Вместо того, чтобы каждое растение вело войну за свое выживание с каждым другим растением, здесь садовник ведет войну с природой за выживание всего сада. Он укрывает растения, спасая их от холода, поливает – спасая от засухи, опрыскивает – спасая от насекомых, и надеется снизить накал конкурентной борьбы между растениями и сорняками. Вместо того, чтобы оставить каждое растение расти как ему вздумается, он собирает и отбирает семена, подготавливает почву и сеет в нее семена ради получения наилучшего результата. Вся его работа идет наперекор природе, она и может осуществляться только в непрерывной борьбе с природой, ценой недреманной бдительности и неизменного усердия. Стоит лишь на миг потерять бдительность – и насекомые, жара и сорняки непременно победят, и искусственный порядок сада падет.

Точно так же общество и цивилизация суть искусственный порядок, поддерживаемый ценою бдительности и усердия в противостоянии природным силам. Как и в саду, главным условием в обществе должно стать исключение борьбы за существование путем устранения или смягчения ведущих к ней условий. И наоборот, в дикарском примитивном обществе, как в сообществе растений в чистом поле, главным условием является интенсивная и непрекращающаяся борьба, война за выживание. В сообществе растений в чистом поле природа стремится заставить все формы жизни приспособиться к условиям существования. В саду садовник стремится приспособить условия существования к тем формам жизни, которые он решил здесь культивировать. Точно так же у дикарских нецивилизованных народов люди приспособляются, кто как может, к враждебным внешним условиям. С развитием общества и цивилизации люди стали создавать искусственную окружающую среду, приспособленную к их потребностям и способствующую их постепенному прогрессу.

Таким образом, общественный и нравственный порядок в некотором смысле искусственны; они установлены в противовес естественному порядку, и они поддерживаются – и в принципе поддерживаемы – лишь путем борьбы с природой и подавления природных инстинктов и примитивных страстей. Неоднократно говорилось, что Природа нравственно индиффе-

рентна. Нравственность – это концепция общественного, а не природного бытия. Образ действия, преследуемый членом цивилизованного общества, был бы смерти подобным для дикаря; в свою очередь, образ действия дикаря был бы смерти подобен для цивилизованного общества. Дикарь, подобно любому дикому животному, беспрестанно ведет войну за выживание. Цивилизованный человек соединяет все свои силы и энергию с силами своих соратников в стремлении ограничить и исключить эту войну.

Следовательно, общественный порядок есть порядок искусственный, установленный и поддерживаемый сотрудничеством большого количества отдельных личностей на протяжении ряда поколений. Подобно тому, как сад нуждается в бдительности и усердии со стороны садовника, дабы тот был в состоянии предотвращать попытки восстановления естественного порядка, общественный порядок требует постоянной борьбы с природным окружением, равно как и с другими обществами и личностями, в тех случаях когда их интересы и потребности вступают в конфликт. Следовательно, в дополнение к инстинктам сохранения самого себя и своего вида требуется и инстинкт, или интуиция, сохранения и поддержания общественного порядка. Считаем ли мы его благоприобретенным в ходе постепенного эволюционного развития или вселенным в человека при сотворении, он лежит в основании права и правосудия, порождая в качестве нравственной привычки «то направление воли и образа поведения, которое подразумевает отказ от причинения вреда жизни и интересам других и, насколько это возможно, предотвращает такое вмешательство со стороны других»³⁹.

Однако самого факта осознания отдельными личностями, что благополучие и даже просто существование общества требует от каждого некоторого ограничения своей деятельности в связи с деятельностью других, недостаточно, чтобы удерживать всех и каждого в рамках, предусмотренных правом и правосудием. Более примитивные и могучие эгоистичные инстинкты на деле обычно побеждают. Поэтому частные войны были обычным делом в архаичных обществах. Конкурирующие виды деятельности отдельных личностей невозможно было привести к гармонии, и они оставались во власти каждой личности индивидуально. Но мир, порядок и безопасность жизненно необходимы цивилизации. Каждый индивид должен быть освобожден от необходимости охранять свои интересы от нападения со стороны, чтобы тем самым получить свободное время и силы для выполнения со всей своей энергией иных задач. По мере развития цивилизации это осуществляется путем замены сил индивида силами общества, чем и был положен конец частным войнам всех со всеми. Исторически право выросло из общественного решения данной проблемы.

Как мы уже видели, поддержание существования общества и его благосостояния зависит далеко не только от наличия закона. Даже в своей первичной и скромной ипостаси средства сохранения мира закон не был первым и главным. Зародыши законодательных институтов мы видим в древних религиях, потому что религия и нравственность держали человека в рамках нормы, пока закон был еще в состоянии эмбриона. Начав развиваться как одно целое, религия, нравственность и закон постепенно разошлись разными путями и превратились в три регулирующих и контролирующих учреждения, посредством которых поддерживаются право и правосудие и становится возможным существование общества. Их цель во многих смыслах едина, они работают во многих смыслах в одной и той же сфере, и у многих народов они все еще представляют собой одно целое, более или менее. Но у просвещенных народов в наше время они представляют собой три великие системы, каждая – со своей собственной целью, своей сферой деятельности и своими методами; каждая из них старается сдерживать атактистические тенденции к ведению частной войны и творению зла, и каждая играет свою роль в поддержании искусственного общественного порядка путем отстаивания права и правосудия. Религия управляет людьми в качестве регулирующего учреждения, действующего властью

³⁹ Цитата из «Основ этики» (1906) Фридриха Паульсена (см.)

сверхъестественной санкции; нравственность – санкции личной совести, укрепленной общественным мнением; закон – санкции силы организованного общества. Каждое из учреждений имеет возможность применять свою санкцию систематически и эффективно для поддержания общества, и для этого ему необходима управляющая им и поддерживающая его жизнь организация. Соответственно, мы видим, что Церковь придает регулятивную и обязывающую силу религии, а государство покровительствует закону и стоит за ним, охраняя его. Но что же стоит за третьим из этих великих учреждений? Что это за организация (и где она находится), которая придает систематичность и эффективность регулирующей силе нравственности?

Она здесь, полагает Краузе, в масонском Ордене. Всемирный, почитающий всякую искреннюю веру, но не требующий от своих членов верности ни одной из них, учащий покорности государству, но не связывающий себя ни с одним из них, – он как на равных себе смотрит на религию и закон, стоя между ними на прочном основании универсальной нравственности как совокупности чувств всего человечества, защищает нравственность силой традиции и заповеди, организует ее поддержание властью могучей санкции людского осуждения. Таким образом, он считает, что масонство отважно трудится рука об руку с церковью и государством над организацией условий общественного прогресса; что все общества и организации, локальные или международные, стремящиеся соединить энергии людей в любой сфере – будь то наука, искусство, труд или коммерция, – заняты тем же самым; что все эти сферы вместе и каждая из них в отдельности подобны трем колоннам общественного порядка; что Религия, Закон и Нравственность, Мудрость, Сила и Красота способствуют усовершенствованию человека.

Но в стремлении к человеческому совершенству мы должны преодолевать жесткие рамки общественного порядка. Нравственность, как мы уже видели, является институтом человека общественного. Тем не менее, у нее есть и свои собственные возможности, превосходящие основополагающие условия общества. Существует нравственный порядок, развившийся из общественного порядка и стоящий над ним, и общественный порядок, стоящий над порядком естественным. Естественный порядок поддерживается инстинктами сохранения самого себя и своего вида. Эти инстинкты, в случае если они ничем не ограничены, не принимают во внимание существование других и за основное правило принимают борьбу за выживание. При общественном порядке люди уже обучились соотносить действия с их целями, поддерживая собственное существование без препятствования другим в том же самом. При нравственном порядке люди обучились не просто жить, давая жить другим, но и жить, помогая другим в ведении более полной и совершенной жизни. Если жизнь каждой личности полна и совершенна, и она живет, не просто не мешая другим жить такой же полной и совершенной жизнью, но и помогая им такую жизнь обрести, достигается всеобщее совершенство. Тогда человек «и ногами, и руками, и душой прям и ровен, о четырех прямых углах, сработан без изъяна» и идеально вписывается в нравственный порядок как Совершенный Камень⁴⁰. Инстинкт поддерживает естественный порядок. Закон же призван поддерживать общественный порядок. Масонство, по большей части, нашло себя в поддержании и созидании нравственного порядка. Постоянно напоминая нам о нашем природном долге по отношению к себе самим и долге перед нашей страной как воплощением общественного порядка, а в особенности о долге перед нашими ближними и пред Богом, оно способствует достижению совершенного нравственного порядка.

Краузе не верит, впрочем, в то, что закон и государство должны ограничивать сферы своей деятельности и целеполагания исключительно поддержанием общественного порядка. Они поддерживают право и правосудие с целью сохранения общества. Но они сохраняют общество именно с целью освободить энергии людей, чтобы те создавали и поддерживали нрав-

⁴⁰ Строка из ритуала степени Подмастерья в редакции Т. С. Уэбба. Совершенный Камень – кубический шлифованный камень, масонский символ совершенства.

ственный порядок. И конечная цель здесь, по Краузе. – совершенствование человека. Если каким-либо своим действием, нацеленным на поддержание общественного порядка, они вредят нравственному порядку, они действуют вопреки своим конечным целям. Закон и нравственность – не одно и то же; однако цель у них одна, а различия лежат, в основном, в сферах, где они способны эффективно действовать, и в средствах этого действия, а не в самих идеях. Законодатель никогда не должен забывать о конечной цели, а посему обязан помогать, а не мешать организации и гармоническому развитию человеческой деятельности любого рода.

«Закон, – учит он нас, – есть сумма внешних условий жизни, измеренных разумом». Постольку, поскольку совершенство может быть достигнуто путем ограничения внешних действий человека, за счет чего каждый имеет возможность вести полную жизнь без препятствий со стороны других людей, закон эффективен. Более того, внешние условия жизни, измеренные разумом, косвенно являются условиями более полной и совершенной жизни нравственного порядка, поскольку люди должны быть свободны, чтобы беспрепятственно пользоваться своей энергией максимально, а затем постепенно прийти до ее использования в целях помощи другим в ведении более полной жизни. Но здесь заканчиваются возможности закона. Ему положено поддерживать общественный порядок, но нравственный порядок остается вне его рамок. Создание и поддержание нравственного порядка зависит от внутренних условий. А они – вне границ закона. Тем не менее, коль скоро закон готовит почву для созидания нравственного порядка, нравственность облегчает закону выполнение его задач. Чем тщательнее каждая личность, по своей доброй воле, измеряет свою жизнь разумом, тем скорее закон перестает быть исключительно регулятивной и ограничительной силой, обретая более возвышенную роль организованной свободы человека. В этом – одна из главных функций символов Цеха. Размышляя над нашими символами, человек рано или поздно обязательно осознает идею жизни, измеряемой разумом. Двдцатичетырехдюймовая линейка, отвес, уровень, наугольник и циркуль, чертежная доска ясно и образно донесут до него идею измерения и ограничения.

В жизни дикаря ничто не измеряется. Он может убивать столько, сколько ему потребно, по своей прихоти или теша нездоровую любовь к убийству, убивать больше, чем ему объективно необходимо, даже при наличии риска для собственного будущего. Его действия мало или никак не связаны одно с другим. Он не сеет в одно время года то, что пожнет в другое. И уж точно не сеет и не строит он ничего такого, что лишь последующие поколения смогут сжать или населить после его смерти. Его действиями управляют сиюминутные нужда или желание. И напротив, действия цивилизованного человека взаимосвязаны, соотносятся одно с другим и в большинстве своем составляют разумную и гармоничную схему деятельности. Еще более это верно в отношении образа действий, который называется нравственным. Его главной отличительной чертой является уверенность. Мы знаем сегодня, что будет завтра. Беспринципный человек может сдерживать слово, а может не сдерживать, выплатить долг или не выплатить, хранить или не хранить верность в семейных отношениях или политических предпочтениях. Человек же, чье поведение нравственно, уверен в себе, как и мы – в нем. Мы твердо верим в его непоколебимую верность праведному и упорядоченному образу жизни. Поэтому мы и говорим о «прямоте» в поведении, имея в виду простоту и неуклонность прямой линии; вся наша этическая система основана на подобных фигурах речи.

Неумеренность, неопределенная и неизмеримая, безнравственна; умеренность, подразумевающая приверженность определенной и признанной середине, нравственна для нас. Человек общественный, в отличие от дикаря, а еще более – человек нравственный, в отличие от того, кто лишь старается не нарушать закон, измеряет и выверяет свою жизнь, а символы Цеха служат неизменным руководством для слабых и бессмысленных по тому, как перестать походить на дикарей и беспринципных людей.

Аллегория нерукотворного дома, в стены которого все мы призваны улечься живыми камнями, предлагает нам еще более вдохновляющие темы для размышлений. Мы видим здесь

воплощение органической концепции общества и человеческой деятельности, которую так пламенно отстаивал Краузе. Общественный и индивидуальный прогресс, утверждал он, неразделимы. На пути прогресса человечества невозможны никакие препятствия, нельзя сделать ни шагу назад. Общественный порядок преследует цель поддержания бытия личности и народа лучше, чем естественный порядок, но этим он и ограничивается, в то время как нравственный порядок достигает цели совершенствования общества как целостной системы. Полнота жизни общества есть полнота жизни как его элементов, так и целого, а прогресс человечества есть гармонизация интересов каждого с каждым и со всеми вместе. Природа расточительна. На свет производятся мириады семян, для того лишь чтобы выросла пара растений. По мере общественного и нравственного развития человека все реже возникает необходимость жертвовать личностями. Совершенное государство, следовательно, есть такое, где благополучие каждого гражданина и всех граждан вместе суть одно и то же, где интересы государства и гражданина суть одно и то же, где чувства каждого находятся в гармонии с чувствами каждого другого. В наше время всемирной организации, когда строки Краузе звучат явно пророчески, его убеждения могут во многом утешить нас, особенно когда он пишет, что органическое не может не стать гармоническим, а ныне ошибочно и неосознанно конфликтующие между собой организации в конце концов станут работать вместе, безошибочно и осознанно, во имя общей цели.

Как пишет его достойный ученик, «человеческое общество есть лишь большая связка органических институтов, федерация отдельных организаций, служащих средством реализации фундаментальных целей человечества», и мы можем со всей определенностью надеяться на «единство там, где сейчас царит раздор»⁴¹, и более всего надеяться на работу по объединению того всемирного Братства, которое своей миссией избрало организацию нравственности и доведение ее до сведения каждого человека как реалии нашего времени.

Итак, подводя итоги, как же Краузе отвечает на три вопроса масонской философии?

1. Для какой цели существует масонство? Чего оно хочет добиться?

Краузе отвечает, что подобно всем прочим человеческим институтам оно стремится как к конечной цели к усовершенствованию человека, но его промежуточной целью является организация универсального нравственного чувства рода людского, создание санкции людского осуждения.

2. Каковы взаимоотношения масонства с другими людскими институтами, особенно с управлением и религией, государством и церковью?

Краузе отвечает, что все они так или иначе стремятся к усовершенствованию человека, и каждый из этих институтов стремится организовать человеческую деятельность в определенной сфере. Но делается это ими ввиду общей для них цели. Посему, считает он, все эти организации должны работать в сотрудничестве и гармонии между собой ради реализации великих задач, которые у них одни на всех. В этом духе он толкует хорошо известные призывы наших Заповедей, касающиеся отношений масонов к правительству и религии своей страны.

3. Каковы основополагающие принципы, управляющие масонством в достижении наметенной им цели?

Краузе отвечает: масонство имеет дело с внутренними условиями жизни, управляемой разумом. Посему его основополагающие принципы суть измерение и ограничение: измерение разумом и ограничение разумом, — и они преподаются масонством как основные средства достижения совершенства.

Таковы в кратком и сжатом изложении взаимоотношения масонства и философии права и управления в изложении того, кто оставил след в истории и того и другого. Мы можем думать

---

⁴¹ Цитаты из «Основ политики права» (1837) Карла Редера.

что угодно о некоторых его идеях, расходиться с ним по множеству вопросов, полагать внутри себя, что перед нашим Орденом стоят другие цели, но мы не можем не испытывать воодушевления о того, сколь возвышенную цель поставил перед нами он, мы не можем не вдохновляться этим высоким устремлением, высоким предназначением, будучи представителями одного из ведущих «органических обществ», составляющих «большую связку» организаций, работающих над усовершенствованием человека.

Лекция 3

Оливер: масонство и религия

Философия Краузе, в основном, занимается взаимоотношениями масонства и философии права и управления. Философия масонства Оливера больше занимается взаимоотношениями масонства и религии. Чтобы лучше это понимать, мы должны уяснить, в первую очередь, что Краузе был профессиональным философом, а основным делом его жизни была философия права, и точно так же Оливер по профессии был священником. Как и к Престону, к Оливеру его общие философские представления пришли уже в готовом виде. Он плыл по течению философской мысли своего времени. Он не прорыл нового русла и не изменил направление течения, в отличие от Краузе. Поэтому здесь, как и при разговоре о Престоне, мы будем рассуждать об Оливере в три этапа: 1) Человек, 2) Время, 3) Масонская философия как продукт первых двух.

1. Человек.

Джордж Оливер родился в Пеплвике, графство Ноттингем, 5 ноября 1782 года. Его отец был священником государственной церкви, а его мать была дочерью сельского сквайра. Поэтому с рождения он получил преимущество в том, что воспитывался в культурной и даже утонченной атмосфере. Он получил образование в Ноттингеме и добился таких успехов, что в 21 год уже стал заместителем директора начальной школы в Кейсторе, графство Линкольншир.

Шесть лет спустя он стал директором начальной школы Короля Эдуарда в Грейт-Гримсби. В 1813 г. он принял поставление в малые чины⁴², продолжая преподавать. В 1815 г. он выдержал экзамен перед своим епископом и заслужил годовое содержание, и тогда же он был принят в Колледж Троицы в Кембридже на так называемое «десятилетие»⁴³. За десять лет он должен был подготовиться к получению ученой степени. В 1836 г. он стал доктором богословия, а в период обучения его постепенно переводили с малых церковных приходов на все более крупные, пока он не стал ректором Вулверхэмптона и пребендарием соборной церкви. В 1846 г. лорд-канцлер выделил ему более соответствовавшее его положению содержание, позволившее жить свободно и даже довольно широко. Он умер в 1866 г. в возрасте 84 лет.

С 1811 г. Оливер был неутомимым исследователем древностей и плодовитым их описателем. В особенности его интересовали церковные древности, и его сочинения вскоре принесли ему славу ученого антиквара. Здесь уместно будет привести перечень его самых важных работ, особенно в связи с приводимым далее пространством масонских сочинений: это даст нам лучшее представление о его усидчивости и плодовитости. Я привожу здесь только самые значительные из его работ.

1. «История и древности соборной церкви в Беверли»
2. «История и древности соборной церкви в Вулверхэмптоне»
3. «История монастырской церкви в Гримсби»
4. «Древние памятники Гримсби»
5. «История гильдии Святой Троицы в Слифорде»
6. «Друидические находки близ Линкольна»

---

⁴² Принятие первых чинов иерархии католической, высокой англиканской и некоторых других церквей: остиария, экзорциста, аколита и чтеца, – эти чины не являются священническими, но являются церковными. По их получении клирик может претендовать на чины субдиакона, диакона и, наконец, священника.

⁴³ Формат обучения для студентов (ten-year-men), вышедших из юного возраста, который подразумевал получение степени бакалавра или доктора богословия в течение десяти лет обучения и самостоятельной научной работы без предварительного получения степени бакалавра или магистра искусств, как это требовалось от обычных студентов.

7. «Путеводитель по храму друидов в Ноттингеме»

8. «Находки из области быта древних британцев между Линкольном и Слиффордом»

К этому следует добавить множество статей и заметок по археологии, опубликованные в 1811–1866 гг. При этом нужно помнить, что их автор все то время, пока писал книги и статьи, был преподавателем, а в свободное время готовился принимать чины, потом получал ученую степень, потом исполнял обязанности ректора большого прихода, мирового судьи, заместителя епископа Линкольна и распорядителя церковного фонда своей епархии. Это довольно немало для одного человека. Но сюда следует добавить еще и его масонскую карьеру и литературную деятельность, принесшую чуть ли не больше плодов.

Оливер принял масонское посвящение в девятнадцать лет. Это утверждение, шокирующее для уха современного масона, требует пояснения. В те времена действовало масонское правило, гласившее, что «волчонок», то есть сын масона, мог претендовать на посвящение по особому разрешению до достижения совершеннолетия. Права и обязанности волчонка так никогда и не были досконально прописаны в законодательстве. Известно только, что он имел право на прием в обход очередности кандидатов. В Англии и Франции его могли принять в Братство по достижении восемнадцати лет. Конституции хранят на этот счет молчание, но общепринятым был обычай испрашивать для такого посвящения особого разрешения (диспенсации). Трудно сказать, насколько этот обычай был популярен в Америке, но есть свидетельства следования ему в XVIII веке, например, в случае Джорджа Вашингтона, которого приняли в двадцать лет. В любом случае, Оливер стал масоном таким путем в девятнадцать, и принял его в Братство сам его отец в ложе «Св. Петр» в Петерборо в 1801 г.

Отец Оливера был ревностным и образованным масоном, ритуалистом буквалистской школы, то есть представителем тех кругов, которые считают дословное и безукоризненное знание ритуала *unum necessarium* (единственно необходимым) в масонстве. Соответственно, Оливер получил с этой стороны наилучшую из возможных подготовку, что необходимо, как считаю лично я, не только просто для масонской работы, но и особенно – для изучения масонства, и по причине отличных знаний в области масонского ритуала и активности в работе он довольно успешно и быстро продвигался по цеховой лестнице.

В 1809 г. Оливер учредил ложу в Гримсби, где работал директором начальной школы, и вскоре, в первую очередь, его усилиями, ложа стала большой и процветающей. Он пробыл ее Мастером четырнадцать лет. Потом он побывал Провинциальным великим Стюардом (1813), Великим Капелланом (1816) и Заместителем великого мастера Линкольншира (1832), и в этой последней должности проработал восемь лет. Нужно помнить, что в Англии пост Провинциального великого мастера отводится представителям дворянства. Также заслуживает внимания тот факт, что Великая ложа Массачусетса наградила его почетным титулом своего Бывшего заместителя великого мастера.

Список масонских сочинений Оливера невероятно длинен. Он был, наверное, самым плодовитым из масонских авторов и оказал наибольшее влияние на своих современников и потомков. Начал он с публикации ряда масонских проповедей, но потом, как можно предположить, в качестве своего рода восстания против традиции механистической ритуалистики, в которой был воспитан, он обратил внимание на историю и, следовательно, философию Цеха.

Его первая работа широко известна – «Древности вольного каменщичества, со включением иллюстраций пяти обширных периодов каменщичества от сотворения мира до освящения Храма Царя Соломона». Она была опубликована в 1823 г.

Далее последовали:

2. «Звезда на Востоке» – его первое философское сочинение, призванное продемонстрировать связь масонства и религии.

3. «Знаки и символы» – изложение истории и смысла всех масонских символов, известных в его время.

4. «История инициации» – двенадцать лекций о древних Мистериях, где Оливер пытался отследить общие корни масонской инициации и древних посвячительных систем; в отношении этой работы нужно сказать, что последние антропологические и социологические исследования в области первобытных тайных обществ показали, что он гораздо больше приблизился к истине, чем принято было считать ранее.

5. «Теократическая философия масонства» – дальнейшее развитие его идей о взаимоотношениях масонства и религии.

6. «История вольного каменничества с 1829 по 1840 годы» – запланированная как приложение к «Иллюстрациям масонства» Престола, которые он редактировал в 1829 г.

7. «Изъяснение исторических ландмарок и прочих свидетельств масонства» – его величайший труд, монумент его обширнейшим познаниям и усердным исследованиям.

8. «Откровения Наугольника» – немного масонской художественной литературы.

9. «Золотые отрывки из ранних масонских авторов» – объемная хрестоматия в пяти томах.

10. «Символ Славы» – его лучшее рассуждение о цели и задачах масонства.

11. «Зерцало Иоаннова Масона» – где он рассуждает о причинах посвящения лож двоим Святым Иоаннам.

12. «Происхождение и регалии степени Царской Арки».

13. «Словарь символического масонства» – первый в длинном ряду подобных словарей.

14. «Учреждения масонской юстиции».

Еще он опубликовал «Книгу ложи» – справочник по ритуалу, сродни «руководствам», так широко распространенным в наше время. Также он был постоянным автором английских и даже американских масонских журналов. Вероятно, никто из писателей-любителей не может похвастаться такой библиографией, особенно принимая во внимание, сколько из перечисленных выше оказались в ряду подобных книгами поистине выдающимися.

К несчастью, взгляды Оливера на масонское законодательство не совпадали с теми, которые доминировали в английском масонстве 1840 г. В результате когда в том году Великая ложа приостановила членство в Братстве д-ра Круцификса⁴⁴, одного из выдающихся масонов века, и он устранился от активной деятельности, Оливер также навлек на себя гнев масонских властей, когда своим авторитетом Заместителя провинциального великого мастера узаконил публичную демонстрацию в защиту Круцификса, в которой приняли участие многие достойные братья. Провинциальный великий мастер лишил его поста, и он также устранился от активной деятельности в Братстве. Но вскоре английские масоны дошли до понимания веса и верности мнения Оливера в том, что касается свободы убеждений и мнений отдельного масона относи-

---

⁴⁴ Роберт Томас Круцификс (1797–1850) – врач, выдающийся английский масон, Второй великий эксперт Великой ложи Англии, самый активный проповедник и создатель масонских благотворительных фондов. В начале 1839 г. было положено начало реализации главного проекта д-ра Круцификса – учреждению дома престарелых для масонов и членов их семей. Уже после положительного решения Ассамблеи Великой ложи проект вызвал нарекания и настойчивые протесты со стороны Великого мастера – герцога Сассекского. После собрания 3 ноября 1839 г. под председательством Круцификса, посвященного этой теме, он сам и его сподвижник Дж. Ли Стивенс были отстранены от масонских постов, и апелляция к решению Великого мастера не встретила ответа. Великий мастер был убежден, что введение нового благотворительного учреждения в дополнение к уже имевшимся у Великой ложи двум – масонским институтам для мальчиков и для девочек, – повредит распределению финансов, а также позволит воспользоваться масонской благотворительностью людям сомнительного отношения к Цеху. Было рекомендовано ограничиться ежегодным взносом в уже имеющиеся благотворительные организации для пожилых. Конфликт продолжал развиваться до 29 апреля 1840 г., когда во время встречи д-ра Круцификса и герцога Сассекского в кабинете Великого секретаря Великий мастер, по словам Круцификса, «угрожал мне применением власти за рамками масонского законодательства и выразил эту угрозу словами, вовсе не обычными и неожиданными от Брата Вашего высокого звания и положения, что способствовало понижению почтения, должного личности Вашего Королевского Высочества и превыше всего – званию Великого мастера». После публикации открытого письма Круцификса по результатам этой встречи в издававшемся им журнале «The Freemason's Quarterly Review» его членство в Братстве было приостановлено.

тельно масонских законов. Четыре года спустя чуть ли не все масоны королевства подписали петицию о вручении Оливеру памятной гравированной пластины за его заслуги перед Цехом. Но справедливость для Оливера не восторжествовала, как она это сделала для Престона, возможно, по той причине, что Оливер был совершенно не тем человеком, который стал бы ее требовать по отношению к себе, в отличие от Престона, который бы сделал это без всякого стеснения. Вследствие этого Оливер выпал из активной масонской жизни на последний двадцать один год своей жизни. И то, что это ни в коей мере не могло быть следствием какого-то особенного его личного упрямства, как мне кажется, становится неоспоримо ясно при одном лишь взгляде на его портрет, буквально излучающий благодушие и благожелательность. Да и все мемуаристы в один голос подтверждают такое впечатление, складывающееся под влиянием его портрета. Все современники в один голос подчеркивают его обаяние, великодушие, любезность и готовность помочь чем угодно. Все писавшие о нем свидетельствуют, что он был в высшей степени непритязателен, скромен и легок в общении. Не стоит удивляться тому, что такие люди, как Краузе и Оливер, страдали от зависти, которую обширные знания рожают в душах тех, кто полагает единственной и наивысшей доблестью дословное знание ритуала наизусть. Широта кругозора, которую такие знания неизменно приносят с собой, угрожает самому бытию буквализма, которому обучались многие из достойнейших членов и наших лож тоже, и которому они обучали сами как сути нашего Цеха. Но печально и не способствует прославлению человеческой природы в целом, что заносчивый, гордый и сварливый Престон в конце концов добился справедливости, в Краузе и Оливеру было в ней отказано.

Подводя итог описанию личности Оливера, скажем еще раз, что все свидетельства подтверждают мнение о нем, складывающееся при взгляде на его портрет. Он был сердечным человеком, ревностным и увлеченным историком, обладавшим глубокой и искренней верой и продуманными религиозными убеждениями. Нужно помнить об этом при рассмотрении его масонской философии.

Итак, довольно о человеке. Поговорим о времени.

2. В те годы, когда Оливер писал свои труды, повсеместно доминировала философия романтизма. В Англии в этот период ведущие умы занимали себя более религиозными, чем философскими и научными, проблемами, и романтизм там был особенно силен. Мыслители поколения после Канта оспаривали его критическую философию на том основании, что ей не хватало жизненности. Они утверждали, что живое единство духа разрушают его анализ и стремление к разделению. Они указывали на религиозную веру, с одной стороны, и художественное выражение и творчество, с другой стороны, как на методы, в отличие от критической философии способные объективно отражать жизнь. Другими словами, Век Разума, когда трудился и творил Престон, окончился, и, по крайней мере, на некоторое время люди перестали ждать от разума, интеллекта и знаний решения всех своих проблем, восплавав надеждой на то, что называли духом. В особенности наполнено энтузиазмом было молодое поколение, старавшееся вывести все понятия из духа и не осознававшее при этом, что они всего лишь пытаются обрести новый Философский Камень. С помощью идеи духа они надеялись установить совершенное единство всех феноменов, сломать существовавшее в их время разделение между наукой, религией и искусством, примирить все противоречия. Эта концепция знания с полным правом может именоваться романтической. Теперь она стоит перед нами в полной красе – возвышенная и далекая. Она побуждает наш энтузиазм или наше рвение стремиться к себе, оказывает на нас влияние скорее посредством экзальтации, чем посредством перспективы трезвого и ясного осознания. То, что целое поколение мыслителей довольствовалось такой формой для своего идеала знания, теперь довольно трудно объяснить даже с использованием аргумента реакции на чрезмерную рационализацию предшествующего века. Возможно, всеобщее волнение, в которое привела мир Французская революция, также следует принимать во внимание,

равно как и Золотой Век поэзии, сопровождавший описываемое философское движение, и о нем также ни в коем случае нельзя забывать. Действительно, связи между философами-романтиками, поэтами-романтиками и музыкантами-романтиками были очень тесны. Не случайно в то же время развивается и то, что можно назвать романтическим масонством. Это будет особенно верно при разговоре о взглядах Оливера на взаимоотношения масонства и религии.

Один из самых типичных представителей немецкого романтизма в философии утверждал, что любое разделение между поэзией, философией и религией – наносное и лишнее. Он полагал, что коль скоро поэт воспринимает философию как продолжение поэзии жизни, которая обретается во всех вещах, философ воспринимает поэзию как интуитивно воспринимаемую иллюстративную форму мысли, движущую всеми вещами. Однако, писал он, религия представляет собой фазу все того же поиска единства. Позвольте привести здесь его слова, столь во многом повторяющие убеждения Оливера: «Допустим, что задача мысли состоит в демонстрации нам единства всех вещей. Тогда может ли философское устремление отличаться, по своей сути, от религиозной жажды, также стремящейся преодолеть противоречия и нестабильность жизни?»⁴⁵.

Романтическая философия пришла в Англию, в первую очередь, с помощью Самуэля Тэйлора Кольриджа (1772–1834), творившего в те же годы, что создавал свои главные труды Оливер, а умер он за шесть лет до издания самой важной и значимой работы Оливера. Связи между этими авторами настолько явны и важны, что мне простительно будет отступление в область биографии Кольриджа.

Сам Кольридж пишет, что в молодости был учеником рационалистов XVIII века. Но у него вызывали отторжение их столь характерные для XVIII века попытки свести душевные феномены к элементарным функциям посредством анализа, найти механистические законы для объяснения всех элементов сознания. Если бы это было возможно, пишет он, это разрушило бы единство и деятельность ума. Тогда он впервые соприкоснулся с немецкой романтической философией и начал сам мыслить в новом для себя направлении. Он был романтиком по духу. Он был одержим идеей Абсолюта, в котором все противоположности и различия конечного мира сливаются и исчезают. Он был более поэтом и проповедником, чем мыслителем, и редко выходил за рамки интуитивного постижения и пророчества. Поэтому более чем прав один из его критиков, написавший, что он вел свое поколение через фантазии к ортодоксии, и от этой ортодоксии – к еще более суровой ортодоксии. Говорят, что движение английских католиков XIX века, пьюзитов, которое привело Ньюмена и еще многих английских ученых богословов в лоно Римской церкви⁴⁶, было порождено идеями Кольриджа. Как можно охарактеризовать философию тех места и времени, которые относятся к периоду жизни и творчества Оливера?

1. Воображение и умопостроения были главными средствами выражения мысли. Поэзия считалась единственной реальностью. Энтузиазм замещал научную базу.

2. Рациональность на некоторое время ушла в тень. Убеждения, интуиция и вера считались самодостаточными.

⁴⁵ Карл Вильгельм Фридрих Шлегель (1772–1829) «О философии» (1799).

⁴⁶ Эдвард Бувери Пьюзи (1800–1882) – англиканский священник, профессор древнееврейского языка в Оксфордском университете, яркий представитель Высокой англиканской церкви, автор трудов об истории христианской Церкви и основных таинствах, которые были проникнуты германским рационализмом и идеями пиетизма. Его именем, без его участия, названо движение «пьюзитов» внутри т. н. Оксфордского движения богословов за пересмотр ряда вероучительных доктрин и против секуляризации церкви, ее возвращение к дореформационным истокам. Это закономерно привело к переходу ряда клириков из Церкви Англии в Римско-католическую церковь, включая крупного ученого богослова, лидера Трактарианского движения внутри Оксфордского движения, Джона Генри Ньюмена (1801–1890) – рожденного в кальвинистской семье, затем англиканского священника, лидера Высокой церкви, затем собравшего вокруг себя круг единомышленников, с которыми вместе создал нечто вроде монастыря, и наконец в 1845 г. перешедший в католицизм, где получил сан кардинала и затем учредил Католический университет Ирландии.

3. Точно так же традиция также более не нуждалась в подкреплении доказательствами. Это четко прослеживается в так называемом Оксфордском движении и вообще католической реакции в Англии. Прослеживается это и в государственных институтах Англии, которые Диккенс высмеял в образе мистера Подснепа⁴⁷.

4. Примирение христианства с философией стало общепризнанной ключевой проблемой. Кольридж, например, считал ее решение своей главной задачей.

Все эти черты можно заметить и в масонских сочинениях Оливера. Недостатки его исторических сочинений, например, которые заложили мину замедленного действия под всю популярную историю масонства в целом, суть всецело недостатки, порожденные романтизмом. Буйное воображение и энтузиазм визионера зачастую уносили его далеко. Заодно со своими наставниками в философии он отбросил прочь критический метод и утратил вместе с этим способность различать между тем, что действительно имело место, и тем, что, как бы он хотел, имело место в истории. С одной стороны, в масонской философии, где допустимы полностью умозрительные конструкции, это наделяло его даже определенными преимуществами. Милль⁴⁸ пишет о Кольридже, что у того был один из самых плодотворных умов в то столетие. И Оливер тоже более, чем кто-либо другой, побуждал своих современников мыслить на темы масонской философии. У него легкий приятный стиль. Его приятно и даже увлекательно читать. Множество читателей, которых оттолкнул бы многомудрый, но очень тяжелый стиль Краузе, знакомятся с работами Оливера с радостью. Он придал форму и направление масонским умопостроениям, которые актуальны до сих пор.

Возвращаясь к философии Оливера, нужно отметить три важных ее аспекта: 1) его теорию о связях масонства и религии; 2) его теорию о масонстве как чистой допотопной традиции, дошедшей до нас и 3) его теорию о первоначально христианской сути нашего учреждения.

Давайте рассмотрим их по очереди.

1. Я уже упоминал о том, что примирение религии с наукой и объединение религии со всеми прочими видами человеческой жизнедеятельности было излюбленной темой романтической философии. Естественно посему, что священника привлекло это направление мысли и что ревностный церковник и переполненный энтузиазмом масон, от Престола, чью книгу он редактировал, усвоивший, что масонство есть знание, превратил эту проблему в дилемму о взаимоотношениях масонства и религии с намерением примирить их между собой. И способ, избранный для этого Оливером, был довольно остроумным. Религия и масонство, писал он, идентичны по своим целям, и сходны в них со знанием. И то и другое является проявлением духа, Абсолюта, то есть Бога. Бог же является нам посредством Откровения, и при этом явлении мы постигаем Его и себя самих, а также мы постигаем Вселенную посредством религии. Далее, Бог является нам через Традицию, и так мы постигаем Его и себя самих, а также Вселенную – через масонство. Наконец, Бог является нам посредством разума, и таким образом мы постигаем Его, себя самих и Вселенную через знание, или, как мы сами привыкли это называть, через науку. Так же, как и романтики, он стремился вбросить всё содержание жизни в единое взаимосвязанное Целое, которое он нашел в Боге, или Абсолюте. Соответственно, масонство для него было одним из способов приближения к Богу, а два других способа – это религия и наука. Если триадой Краузе были Закон-Религия-Нравственность, действовавшие посред-

---

⁴⁷ Персонаж романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» (1864), шарж на самодовольного буржуа-патриота: по его категорическому мнению, все в Англии и все английское превосходно, конституция дарована англичанам «самим Провидением» и «ни одна страна не пользуется таким покровительством свыше, как Англия»; сомневаться в превосходстве всего английского, замечать в стране факты социальной несправедливости – значит, по его словам, «идти против Бога»; он представляет собой воплощенное самодовольство торжествующего английского буржуа в период относительной стабильности.

⁴⁸ Джон Стюарт Милль (1806–1873) – английский философ, социолог, политический деятель, экономист и литературовед, один из столпов учений либерализма и утилитаризма.

ством Государства-Церкви-Масонства, то триада Оливера – это Откровение-Традиция-Разум, и их развивают, передают в поколениях и истолковывают Религия-Масонство-Наука.

2. Теория Оливера о масонстве как системе передачи традиции во многом имеет своим истоком Хатчинсона. О нем также следует сделать небольшое отступление.

Уильям Хатчинсон (1732–1814) был английским юристом и, видимо, первым английским масонским философом. В 1774 г. Хатчинсон, с дозволения Великой ложи, которая настаивала на своем праве цензурировать все масонские публикации, издал свое главное масонское сочинение, озаглавленное «Дух масонства». Оливер писал, что эта книга стала «первой действенной попыткой объяснить с рациональной и научной точки зрения подлинную философию Ордена». Учение Хатчинсона гласило, что Утраченное Слово воплощает утраченную вследствие искажений иудейской веры религиозную чистоту. Он считал, что легенда степени Мастера воплощает Новый Закон Христа, занимающий место Ветхого Закона иудаизма, который разложился и умер. Путем несложных упражнений в «народной этимологии» он произвел имя Хирам (или Хурам) от греческого «хейрамен» («мы нашли»), а слово «акация» – от греческой альфа-привативум и слова «какия» («зло»), что давало ему значение «свобода от зла», то есть «свобода от греха». Таким образом, пишет он, Мастер вольный каменщик «воплощает человека, по христианскому учению, спасенного от могилы порока и поднятого верой к спасению». Хатчинсон оказал большое влияние на Хемминга – составителя символических наставлений для Великой ложи «Древних», а влияние последнего совершенно очевидно в Америке – особенно в толковании символа Пламенеющей Звезды в наших наставлениях.

Ясно, что Оливер позаимствовал направление мысли у Хатчинсона. Но Хатчинсон отождествлял религию и масонство. Этого Оливер, священник государственной церкви, допустить и в мыслях не мог. Вместо этого он хотел объединить их, сохраняя их различия между собой, но сделав равноправными частями высшего единства, средствами выражения того, что в пределе, пусть и не непосредственно, суть одно. Это он сделал, как мы видели раньше, считая и то и другое разными путями к Богу. Эта концепция породила теорию о масонстве как теле традиции.

Коротко говоря, теория Оливера состоит в следующем. Он считал, что масонство является корпусом традиции самой зари человеческой истории, как она отражена в Писании. Согласно его наполненным энтузиазмом умопостроениям, эта традиция была преподана Сифом его потомкам, и они следовали ей, тем самым создав чистое и первоначальное допотопное масонство. От них оно перешло к Ною и его потомкам, а при рассеянии человечества по земному шару разделилось на чистое (*pure*) масонство и дикое (*spurious*) масонство. Чистое масонство через Патриархов дошло до Соломона и от него – к членам нашего нынешнего Цеха. Но среди язычников чистая традиция подверглась загрязнению и разложению и приобрела форму Мистерий и других посвятительных ритуалов древности. Соответственно, писал он, в масонстве пред нами предстает традиционная наука нравственности, сокрытая в аллегориях и раскрывающаяся в символах.

3. Снова беря основные положения у Хатчинсона, Оливер полагает, что Древние Заповеди, требующие хранить верность Святой Церкви, дают ему право утверждать, что изначально масонство было строго христианским учреждением. Конечно, он полагал, что христианство предсказано и отчасти открыто в Ветхом Завете и что учение о Троице, в частности, весьма точно там описано. Точно так же он считал, что древнейшие из масонских символов тоже преподают учение о Троице и что масонский термин «Великий Архитектор Вселенной» недвусмысленно указывает на Христа. Для его системы это было необходимо. Ибо если религия, что в его случае означало, само собой, христианскую религию, и масонство должны быть соединены вместе, то они должны были стать двумя разными проявлениями одного и того же Бога.

Может быть лишь один Бог, и этот триединый Бог, Бог его религии, дает познать Себя через Откровение, Традицию или Разум. И толкование Оливером Откровения определило толкование им и прочих двух путей. Держа это в уме, мы сможем легче принять его философию, даже не принимая эту конкретную доктрину. Ведь нужно всего лишь постулировать некую более всеобщую и обобщенную религию, чем исповедовал он, религию, стоящую над сектами, конфессиями и догмами, чтобы утверждать, что такая религия действительно ведет к Богу так же, как масонство и разум. Более того, индуист и магометанин также могут предложить свои толкования Откровения и присовокупить свои голоса к голосам поддержки этих трех способов постижения Абсолюта. Маккей укоряет Оливера за сектантство и узколобость, но перспективы у его масонской философии настолько обширны, что его не в чем упрекнуть, на самом деле. В 1840 г. все же было еще рано требовать от священника заходить еще дальше в своих умозрительных построениях.

Итак, каковы же ответы Оливера на три основополагающих вопроса масонской философии?

1. Какова цель масонства? Для чего существует наше учреждение?

Оливер ответил бы, что оно едино в целях с религией и наукой. Все три элемента являются способами, приводящими нас к постижению Абсолюта. Они суть средства познания Бога и трудов Его.

2. Как масонство намерено достигнуть этой цели?

Оливер ответил бы, что оно это делает путем сохранения, передачи в поколениях и интерпретации традиции незапамятных времен, чистой традиции, взятой из самой колыбели человечества.

3. Каковы основополагающие принципы, которыми руководствуется масонство в достижении этой цели?

Оливер бы ответил, что основополагающие принципы масонства в основе своей суть принципы религии, основополагающие принципы мира нравственности. Но в масонстве они предстают в традиционной форме. Так, например, терпимость в масонстве есть форма того, что в религии называется благодеянием; всемирность в масонстве есть традиционная форма того, что в религии называется любовью к ближнему.

Как говорилось ранее, философия масонства Краузе рассуждала о взаимоотношениях масонства, закона и управления. Философия Престона – о масонстве в связи со знанием. Философия Оливера занимается взаимосвязями масонства и религии. Ни первый ни второй и помыслить не могли о таком влиянии на умы позднейших масонских философов, как у Оливера. И в общем и целом, его влияние на них было здоровым и положительным. Один его критик сказал, что «всё, что он мог дать, – это трансцендентные фантазии, которые пролили новый свет на старые вещи для многих сомневающихся и ищущих юношей, но в которых не было семени новой жизни»⁴⁹. В некотором смысле это так. Масонская философия Оливера – очевидный продукт трудов христианского священника, прочитавшего и осмыслившего Хатчинсона, в век торжества романтической философии. Но все равно неверно, что у Оливера нет новой жизни. Кроме Краузе, никто другой так великолепно не выбрал и не продемонстрировал всем нам как масонам глобальной цели нашего учреждения. Я не могу перестать думать о том, какая огромная беда, что его философия доходит до новых поколений масонов лишь в форме велеречивых кусочков, проскальзывающих в виде цитат в обращениях великих лож и в масонской прессе, вместо того, чтобы ее преподавали им целиком.

---

⁴⁹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) «Трансценденталист: лекция, прочитанная в масонском храме Бостона» (1842).

Лекция 4

Пайк: масонство, метафизика и проблема реальности

Итак, теперь перед нами предстает совершенно иной тип масонской философии. Для Престона масонство – это традиционная система передачи знания, а его цель – распространять знание. Отсюда и его убеждение, что масонство призвано стать системой образования. Для Краузе это система организованной нравственности, а его цель состоит в том, чтобы поставить организованное человечество под знамена вселенской нравственной идеи гуманизма. Отсюда его уверенность в связи масонства с законом и управлением. Для Оливера это способ приближения к Богу, а его цель – в приближении всех нас к Абсолюту посредством следования чистой традиции. Поэтому он и пишет о связи масонства и религии.

Пайк же преподает нам метафизику масонства. Для него масонство – это способ изучения первопринципов, а его цель – раскрыть и передать нам знание вселенского первопринципа, дарующего нам постижение Вселенной и отчасти – власть над ней. Поэтому он пишет, в основном, о взаимоотношениях масонства с основополагающими проблемами бытия. Отчасти такие мысли были для него неизбежны – как для человека, мыслившего и писавшего в стране, испытывавшей на себе влияние трансцендентальной философии. Отчасти это было вполне ожидаемо от представителя той профессии, чьи философские представления, насколько вообще можно о них говорить обобщенно, были всецело гегельянскими. Отчасти его идеи произросли из огромного объема прочитанной Пайком философской литературы древней эпохи и его склонности к мистицизму. Таким образом, его философия масонства, как обычно, является производной от Человека и Времени, и мы рассмотрим эти ее стороны по порядку, чтобы затем представить их анализ.

Человек.

Альберт Пайк родился в Бостоне 29 декабря 1809 г. Родители его были бедны. Он обучался в общественной бостонской школе, и интересно, кстати, для сравнения его времени с нашим, что невзирая на то, что он прошел вступительные испытания для приема в Гарвардский колледж, он не смог в нем обучаться, поскольку в те времена для начала обучения необходимо было внести авансом оплату двух первых лет обучения, либо оставить на эту сумму залог в виде векселя. Он вместо этого стал школьным учителем и преподавал в школах Массачусетса с 1825 по 1831 гг. В 1831 г. он отправился на Запад в составе торгового каравана, следовавшего от Сент-Луиса до Санта-Фе, затем побывал в Мексике, а мы помним, что в те времена это путешествие было сопряжено с опасностями и невзгодами, потому что проходило, в основном, по пустыне, населенной одними лишь индейцами. По возвращении он пересек равнину Стейкед-Плейнс, Индейские территории и наконец осел в городе Ван-Бурен, штат Арканзас, где вновь открыл школу.

Политическая атмосфера в Арканзасе в те времена была очень напряженной. Территория была поделена между партией Конвея⁵⁰, официально – демократической⁵¹, но на деле

---

⁵⁰ Джеймс Севье Конвей (1796–1855) – главный инспектор (с 1832 г.) и первый губернатор (с 1836 г.) Арканзаса, посвятивший время своего правления учреждению школ, прокладке дорог, а также укреплению военных и военизированных структур народной милиции.

⁵¹ Демократическая партия США была основана как Демократическая республиканская партия в 1792 г. Томасом Джефферсоном. До 1860-х гг. доминировала на политической сцене страны. В 1854 г. из ее состава выделилась Республиканская партия США. В 1830-е гг. оппозицией Демократической партии была партия Виггов, основанная в 1832 г. и взявшая себе название по прозвищу американских патриотов периода Войны за независимость, которым их, в свою очередь, наделили британские власти, умозрительно «объединив» повстанцев со старинной британской либеральной партией Виггов, сложившейся в 1670-е гг. как оппозиция правящей династии Стюартов.

представлявшей собой нечто вроде старинного клана, и партией Криттендена⁵², официально – вигами, но по сути – также семейно-родовой фракцией. Нередки были кровопролития, и вообще можно сказать, что между этими группировками велась как внешняя политическая борьба, так и обычная война на основе кровной мести. Этот полученный в молодости опыт наблюдения за вендеттой и междоусобными войнами на фронтире⁵³ следует учитывать при прочтении многих более поздних работ Пайка.

Пайк был вигом и публиковал в партийном органе с типографией в Литтл-Рок статьи такого неизгладимого воздействия на публику, что вскоре стал знаменитостью. Лидер вигов Криттенден через некоторое время посетил Пайка прямо в классе его сельской школы и пригласил в Литтл-Рок работать редактором партийной газеты. Пайк с радостью воспользовался данным ему шансом и постарался извлечь максимум пользы из этой возможности: работая в газете, он начал изучать право. В 1834 г. он выдержал экзамен на адвоката, принят в адвокатскую коллегия и довольно быстро вырос в юриста первой величины в масштабах Арканзаса. Среди его ранних достижений была подготовка первой пересмотренной версии административных уложений штата.

На книге не проставлено его имя, но современные архивные изыскания подтверждают, что он играл ведущую роль в ее составлении. По всеобщему согласию, эта книга является образцом для составления документов подобного рода.

В самом начале Мексиканской войны Пайк вступил в действующую армию и принимал участие в сражении при Буэна-Виста. Отвага, проявленная им еще в период политических столкновений на территориях, снова получила несколько поводов проявиться в полную силу и за время кампании в Мексике еще более возросла. Пайк считал своим долгом подвергнуть критике действия военного командования губернатора Роуна⁵⁴, что в конечном итоге привело к дуэли. Она прошла на Индейских территориях, стрелялись от линии, но к счастью, обошлось без кровопролития, и дуэль закончилась примирением. Не будет чрезмерным допущением сказать, что наверняка следы и этого опыта можно найти в позднейших работах Пайка.

С 1853 по 1857 гг. у Пайка была юридическая практика в Новом Орлеане. Там он занялся методичным и подробнейшим изучением Римского права и основ французского права, которое повсеместно доминировало в юридической среде Луизианы. В 1857 г. он возвратился в Арканзас и впоследствии вошел в состав верховного суда этого штата.

В самом начале Гражданской войны он сделал свой выбор в пользу Юга. И поскольку он обладал определенным влиянием в индейской среде, его отправили на Индейские территории формировать иррегулярные воинские части. В этой работе он был, по обыкновению, неутомим и рьян, но никакие, даже самые самоотверженные, усилия не смогли привести к формированию сколь-либо дисциплинированной и эффективной военной силы из огромной массы индейцев, которую ему удалось собрать. Ряд событий, связанных с деятельностью этих частей, оставили грязное пятно на его биографии, по мнению большинства позднейших исследователей, совершенно незаслуженно. По правде говоря, этот его опыт ничем не отличался от такого же опыта британских офицеров во время Революционной войны и войны 1812 года, когда они также пытались использовать воинства своих союзников-индейцев. Как бы то ни было, для Пайка это поручение окончилось неудачей. И в его позднейших наставлениях этот опыт также оставил вполне отчетливые следы.

⁵² Роберт Криттенден (1797–1834) – Первый секретарь (с 1819 г.) и заместитель губернатора (с 1836 г.) Арканзаса, впоследствии делегат от Арканзаса в Конгрессе США, один из инициаторов переноса столицы штата в город Литтл-Рок.

⁵³ Понятие американской исторической географии, означающее постоянно меняющуюся очертания «границы» освоения территорий американского континента европейскими переселенцами, а впоследствии – населением США и Канады.

⁵⁴ Джон Селден Роун (1817–1867) – американский юрист, законодатель и политический деятель, 4-й губернатор Арканзаса, впоследствии – генерал армии Юга.

После Гражданской войны он занимался юридической практикой в Мемфисе. В 1868 г. он отправился в Александрию, штат Вирджиния, а в 1870 г. переехал за реку, в Вашингтон, где еще двадцать один год занимался юриспруденцией. Он умер в 1891 г.

Альберт Пайк был человеком широчайших и самых разнообразных познаний. Он был сильным и успешным юристом в области общего и гражданского права. Он недаром потратил время на изучение Римского права и оставил после себя рукопись трехтомного труда по его основам, который теперь хранится в библиотеке Верховного суда Соединенных Штатов. Но у него было множество научных интересов и вне сферы его основной профессии. Среди его бумаг обнаружили рукопись перевода Зенд-Авесты и Риг-Веды в двадцати двух томах, снабженные многочисленными сносками и комментариями.

Более того, он оставил в истории след и как поэт. Несколько его стихов, в особенности одно поразительно сильное стихотворение о битве при Буэна-Виста, до сих пор включают в школьные хрестоматии, а в свое время он вообще был модным литератором. Пролистывая его не-масонскую биографию, мы видим за ее сроками то образованного уроженца Новой Англии, то пионера освоения Юго-Запада и жителя фронта, то военного – ветерана двух войн, то способного юриста в двух крупных системах современного права, некогда судью верховного суда, – а вместе с тем и талантливого самоучку, человека культуры и знания, написавшего наряду с трактатом о Римском праве, имевшем непосредственное отношение к его основной профессии, множество стихов определенной художественной ценности и переводы великих книг восточной философии и религии.

Но сферой, к которой Пайк приложил больше всего сил, остается, конечно, масонство. Его деятельность в масонстве протекала еще столь недавно, а его статус как масонского ученого и писателя столь хорошо известен всем нам и неоспорим, что вряд ли мне стоит сейчас тратить время на какое-то схематическое их описание. Однако я должен вам напомнить, что он стал Державным великим командором Южной юрисдикции Шотландского устава для Соединенных Штатов в 1859 году и посвятил оставшиеся тридцать два года своей жизни, со все возрастающим рвением, работе в этом уставе. За исключением Краузе никакой другой ум такого масштаба не работал над вопросами, которые ставит перед нами масонство. А Краузе, даже будучи великим ученым и философом, прожил свою жизнь в покое и высокой культуре немецких университетских городов, в то время как Пайк успел пожить и в застойном Бостоне, и на буйных территориях Арканзаса, был вынужден под давлением общественного мнения стреляться на дуэли, сражался в двух войнах и командовал индейцами. Более того, масонский опыт Краузе вообще не идет ни в какое сравнение с опытом ветерана американского масонства. Соответственно, нам нечего сомневаться в том, что Альберт Пайк обладал несопоставимо большим жизненным опытом, любезно предоставленным ему самой природой, чем любые другие масонский опыт и масонские познания, которыми владели все иные мыслители, занимавшиеся проблемами масонской философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.